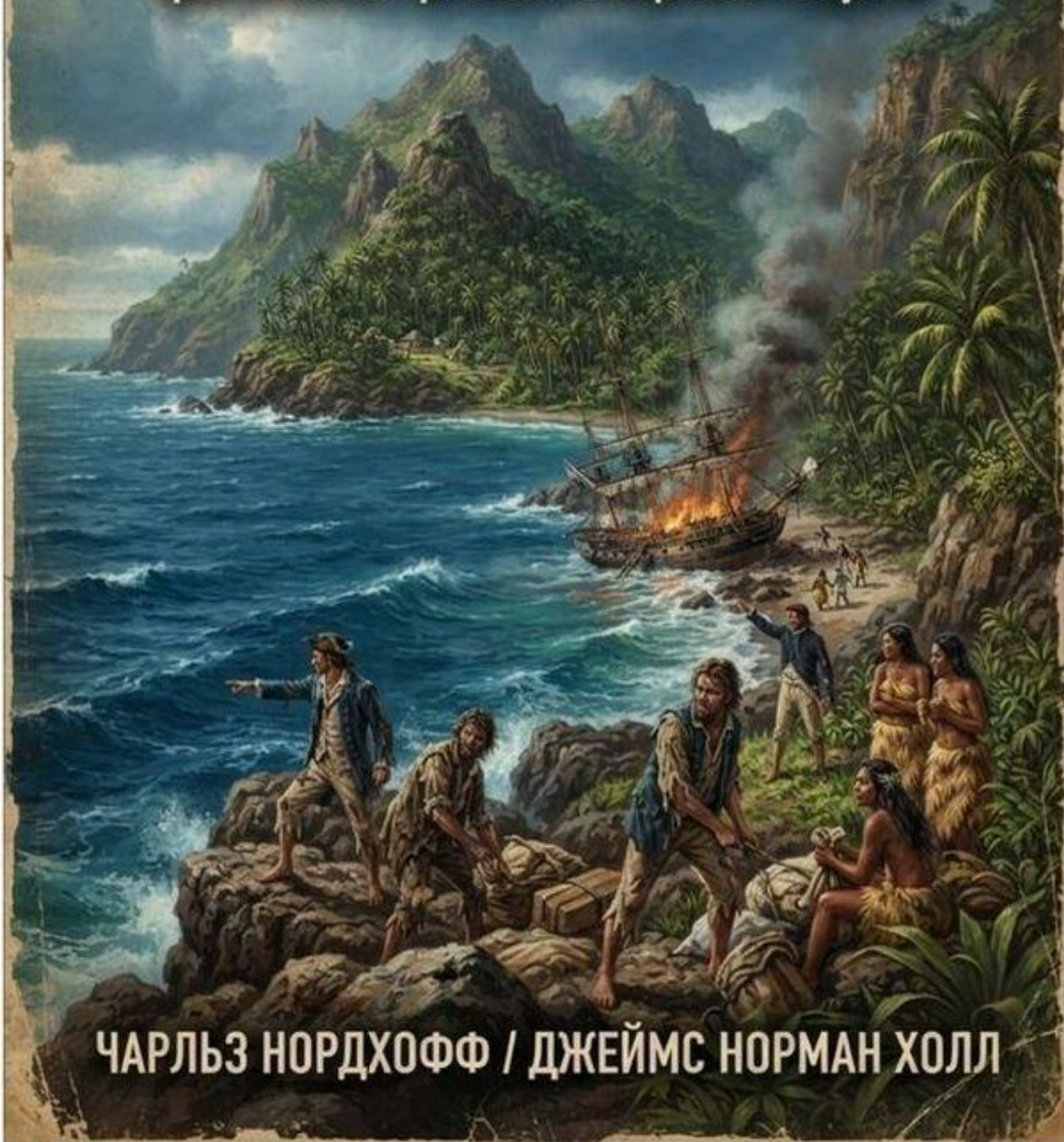

18+

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСКАРОНОСНОГО МЕГАБЕСТСЕЛЛЕРА
«МЯТЕЖ НА «БАУНТИ»

ОСТРОВ ПИТКЭРН

Третья книга трилогии о корабле «Баунти»

ЧАРЛЬЗ НОРДХОФФ / ДЖЕЙМС НОРМАН ХОЛЛ

Чарльз Нордхофф
Остров Питкэрн

«Издательские решения»

Нордхофф Ч.

Остров Питкэрн / Ч. Нордхофф — «Издательские решения»,

Остров Питкэрн — уединенный уголок Тихого океана, где команда мятежного корабля «Баунти» надеялась обрести долгожданный мир и свободу.

Но райский уголок быстро превращается в арену для внутренних конфликтов, страстей и жестокой борьбы за выживание. Удастся ли беглецам искупить прошлые грехи, или их утопия обречена на гибель в бушующих волнах?

Глубокая и драматичная точка в знаменитой приключенческой трилогии.

© Нордхофф Ч.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие переводчика	6
Главные герои	7
Глава I	9
Глава II	16
Глава III	26
Глава IV	39
Глава V	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Остров Питкэрн

**Чарльз Нордхофф
Джеймс Норман Холл**

Переводчик Владимир Владимирович Давыдов

© Чарльз Нордхофф, 2026

© Джеймс Норман Холл, 2026

© Владимир Владимирович Давыдов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-2076-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переводчика

Роман «Остров Питкэрн» завершает знаменитую эпическую трилогию американских писателей Чарльза Нордхофа и Джеймса Нормана Холла, посвященную одной из самых захватывающих и драматичных морских историй в истории человечества — мятежу на британском вооруженном транспорте «Баунти», произошедшему в 1789 году. Если первая часть трилогии концентрируется на напряженном противостоянии капитана Уильяма Блая и мятежного помощника Флетчера Кристиана, а вторая проводит героев через океанские странствия, то заключительный том переносит читателя в совершенно иное измерение — в глухую пространственную изоляцию, на крошечный, затерянный среди бескрайних вод Тихого океана вулканический клочок суши.

Для русскоязычного читателя эта книга открывает малоизвестные страницы того, что произошло после того, как корабельный дым рассеялся, а заговорщики сожгли остатки «Баунти» у берегов Питкэрна. Авторам удалось создать не просто остросюжетный исторический роман, а глубокую, почти шекспировскую психологическую драму о человеческой природе, свободе, вине и искуплении. Беглецы искали абсолютной свободы от законов Британской империи и страха перед виселицей, но обрели ее в лоне дикой природы, которая быстро обнажала их самые темные инстинкты.

Особую ценность роману придает то, как мастерски авторы описывают внутреннюю эволюцию героев и трагический тупик, в который завели общину взаимное недоверие, борьба за власть и острый дефицит женщин. На страницах книги разворачивается суровая хроника падения: от надежд на мирную жизнь до кровавых междоусобных столкновений, в которых почти все мужчины-бунтовщики погибли. И тем пронзительнее выглядит вторая половина повествования, где на первый план выходит образ Джона Адамса. Бывший матрос, оставшись единственным выжившим мужчиной среди женщин и детей, находит в уцелевшей Библии путь к духовному преображению, превратив кровавое убежище пиратов в образцовую, набожную и трудолюбивую общину.

Работая над переводом этого произведения, передо мной стояла задача бережно передать неповторимый авторский стиль начала XX века, сохранить атмосферу эпохи парусного флота, а также точно воссоздать психологические нюансы каждого персонажа — от мятежного и мятущегося Флетчера Кристиана до стойких таитянских женщин, ставших истинными хранительницами очага и выживания колонии. История Питкэрна, рассказанная Нордхофом и Холлом, заставляет по-новому взглянуть на вечные вопросы человеческого бытия: способно ли общество искупить тяжелейшие грехи прошлого через созидательный труд, веру и искреннее раскаяние? Эта книга захватывает с первых страниц и долго не отпускает после закрытия последней главы.

Желаю вам увлекательного путешествия в сердце Тихого океана и глубокого погружения в эту удивительную историческую эпопею!. Приятного чтения! Владимир Давыдов

Главные герои

На Питкэрне судьба свела людей разных характеров, происхождения и культуры. Их надежды на свободную жизнь вдали от закона и цивилизации становятся основой одной из самых драматичных страниц истории «Баунти». Флетчер Кристиан (Fletcher Christian) Предводитель мятежников с «Баунти» и фактический руководитель новой общины. Решительный и сильный человек, стремящийся устроить на затерянном острове мирную жизнь, но несущий тяжёлое бремя прошлого и ответственности за людей, последовавших за ним. Эдвард «Нед» Янг (Edward «Ned» Young) Бывший мичман «Баунти», один из наиболее образованных и рассудительных участников поселения. Близок к Кристиану и старается сохранять здравый смысл и человеческое достоинство там, где напряжение между поселенцами всё чаще грозит выйти из-под контроля.

Александр Смит (впоследствии Джон Адамс) Матрос «Баунти», в начале истории известный как Александр Смит. Ему предстоит пройти один из самых значительных внутренних путей в романе; именно с его голосом связана важная перемена в манере повествования во второй части книги. Другие матросы-мятежники Уильям Маккой, Мэтью Квинтал, Джон Миллс, Джон Уильямс, Айзек Мартин и Уильям Браун — люди с разными характерами и представлениями о справедливости. Их отношения друг с другом и с полинезийцами постепенно становятся одним из главных испытаний для молодой общины. Маймити (Maimiti) и таитянские женщины Маймити — спутница Флетчера Кристиана. Вместе с ней на Питкэрн прибывают Тауруа, Балхади, Пруденс, Мэри, Сара, Фасто, Сюзанна, Дженни и другие полинезийские женщины. Они приносят на остров знание природы, привычки своей культуры и удивительную стойкость, без которой жизнь новой общины была бы невозможна.

Полинезийские мужчины Минари, Тетахити, Тарару, Те Моа, Нихау и Ху — спутники переселенцев, оказавшиеся вместе с англичанами в замкнутом мире Питкэрна. Различие культур, представлений о достоинстве, собственности и положении человека в общине становится важной частью нарастающего конфликта.

Остров Питкэрн — безмолвный герой Крошечный вулканический остров в южной части Тихого океана — не просто место действия. Его неприступные берега дарят беглецам защиту от

внешнего мира и одновременно лишают их пути назад. Изоляция превращает Питкэрн одновременно в убежище, испытание и замкнутую сцену человеческой драмы.

Глава I

В один из последних дней декабря 1789 года, пока Земля неспешно совершала свой вечный путь, наступило мгновение, когда солнечный свет озарил Сан-Роки — самый восточный мыс обеих Америк. Стремительно двигаясь на запад, со скоростью в тысячу миль в час, свет пронёсся над джунглями Амазонии и заиграл на ледяных вершинах Анд. Вскоре косые лучи принесли рассвет на побережье Перу и двинулись дальше — над необъятным простором безлюдного моря. Во всей этой пустыне морщинистой синевы не было видно ни единого паруса, ни клочка земли, пока свет не коснулся продуваемых ветрами склонов острова Пасхи, где вдоль обрывов несли свой вечный дозор каменные изваяния древних владык Рапа-Нуи. Прошёл ещё час, и рассвет преодолел следующую тысячу миль, достигнув одинокой скалы, высоко поднявшейся из моря, изрезанной хребтами и опоясанной у подножия белой пеной прибоя. Над утёсами кружили бесчисленные морские птицы. Лодка с хорошими гребцами могла бы обойти этот клочок суши менее чем за два часа, однако над густой растительностью долин и верхних склонов поднимались кроны редких кокосовых пальм, а в одном месте тонкая струя водопада срывалась прямо к морю. Здесь царили покой, красота и полное одиночество — покой открытого океана и природы, укрытой от человеческого мира. Люди с коричневой кожей, некогда жившие здесь, давно исчезли. Мох покрыл грубые каменные настилы их святилищ, а изображения богов на вершинах утёсов превратились в насесты для олуш и фрегатов.

Восточный горизонт был безоблачен. Когда солнце поднялось выше, одна за другой стаи птиц потянулись к своим рыбным угодьям в открытом море. Птенцы устраивались поудобнее в головокружительно высоких гнёздах, где появились на свет, готовясь к долгим часам ожидания — дремать, ворочаться и нежиться под солнцем. Этот новый день ничем не отличался от миллионов других утр, приходивших сюда прежде. Но далеко на востоке, ещё скрытое за горизонтом, к острову приближалось судно — единственный корабль во всей этой необъятной части океана.

Вооружённый транспорт Его Величества «Баунти» вышел из Спитхеда два года назад, направляясь на Таити, в Южные моря. Поручение ему было дано необычное: доставить с далёкого острова тысячу или более молодых саженцев хлебного дерева на британские плантации Вест-Индии, где надеялись использовать их плоды как дешёвую пищу для рабов. Когда задание на Таити было выполнено и корабль шёл на запад среди островов Тонга, второй человек на борту, Флетчер Кристиан, поднял команду против капитана Уильяма Блая, чьё обращение с людьми он считал жестоким и невыносимым. Мятеж был задуман внезапно и осуществлён стремительно утром 28 апреля 1789 года. Капитана Блая вместе с восемнадцатью оставшимися ему верными людьми посадили в корабельный баркас и пустили в море. Больше мятежники их не видели. После неудачной попытки обосноваться на острове Тубуаи «Баунти» вернулся на Таити, где часть мятежников, а также несколько ни в чём не повинных людей, вынужденных остаться на корабле, получили возможность сойти на берег.

«Баунти» был небольшим судном водоизмещением около двухсот тонн, крепко оснащённым и прочно построенным из английского дуба. Паруса его были залатаны и потрёпаны непогодой, медная обшивка днища обросла длинными водорослями, а некогда нарядная чёрная краска на бортах облупилась и приобрела ржаво-бурый оттенок. Корабль шёл правым галсом при лёгком юго-западном ветре, дувшем позади траверза. На борту оставалось всего девять мятежников, в том числе Флетчер Кристиан и мичман Эдвард Янг. Вместе с шестью полинезийцами и двенадцатью женщинами, которых они уговорили последовать за ними, беглецы искали постоянное убежище — остров настолько малоизвестный и удалённый, чтобы даже длинная рука Адмиралтейства никогда не смогла до них дотянуться.

Коз привязали возле вертлюжных пушек; свиньи уныло похрюкивали в загонах; петухи кукарекали, а куры кудахтали в клетках, где теснилось несколько десятков птиц. Два куттера, надёжно закреплённые у фалышбортов, были до краёв набиты ямсом; некоторые клубни весили по пятьдесят фунтов. На главном люке сидела группа хорошеньких девушек. Они болтали на своём певучем языке и время от времени заливались тихим смехом. Стоявший у штурвала Мэтью Квинтал был высоким и необычайно сильным человеком с покатыми плечами и длинными, покрытыми татуировками руками. Рыжеватые волосы оттеняли его загорелую кожу. До пояса он был обнажён, а шея казалась настолько толстой, что от плеч до самой макушки маленькой головы словно тянулась единая непрерывная линия. Светло-голубые глаза сидели близко друг к другу, а огромный квадратный небритый подбородок выступал под узкой щелью рта.

Лёгкий юго-западный ветер стихал. Вскоре корабль потерял ход и начал мягко покачиваться на спокойном море; паруса безжизненно повисли на реях. На севере у горизонта собирались облака. Квинтал выпрямился и посмотрел на далёкую стену тьмы, которая росла и ширилась, надвигаясь на корабль. По трапу поднялся Кристиан. Он был чисто выбрит и одет в простой синий сюртук. Тропическое солнце обожгло его лицо до оттенка более тёмного, чем кожа девушек, сидевших на люке. В осанке его крепкой фигуры, в очертаниях рта и подбородка угадывался характер человека решительного, способного мгновенно принимать решения и без колебаний действовать. Глубоко посаженные блестящие чёрные глаза неотрывно следили за приближающимся шквалом.

— Смит! — окликнул он.

Крепкий молодой матрос, стоявший у грот-мачты, поспешил на корму и коснулся рукой тюрбана из тапы.

— Убрать нижние паруса. И приготовьтесь собирать сколько сможете дождевой воды.

— Есть, сэр!

Смит бросился вперёд, выкрикивая:

— Все наверх! Уменьшить паруса!

Из кубрика показались белые матросы. Полинезийцы быстро отвернулись от борта, несколько девушек поднялись на ноги.

— По местам! — приказал Смит. — Фок и грот — отдать шкоты и галсы! За гитовы! Подтянуть углы!

Нижние углы двух больших парусов поползли вверх к нокам рей. Полинезийцы и полдюжины крепких девушек с криками и смехом дружно налегли на снасти. Смит повернулся к ближайшему матросу.

— Маккой! Возьми Мартина и поставьте тент для сбора воды. Живее!

Кристиан расхаживал по квартердеку, не спуская глаз с чернеющего северного неба.

— К брасам, Смит! — приказал он. — Поворот на левый галс.

— Есть, сэр!

В проёме трапа появился Эдвард Янг, второй после Кристиана человек на корабле. Ему было двадцать четыре года; у него был свежий румянец и тонкое, чувствительное лицо, несколько испорченное отсутствием передних зубов. Он сменился с вахты всего два часа назад, и глаза его ещё были тяжёлыми от сна.

— Нехорошо выглядит, — заметил он.

— Всего лишь шквал. Марсели я оставлю. Господи, как же мне станет спокойнее, когда мы наполним бочки! Не могу поверить, что Картерет ошибся в широте, хотя известно, что его хронометр был ненадёжен. Мы уже на сто миль восточнее указанной им долготы.

Янг слабо улыбнулся.

— Я уже начинаю сомневаться, существовал ли вообще этот остров Питкэрн. Когда его открыли?

— В 1767 году, когда Картерет командовал «Суоллоу» под началом commodore Байрона. Он увидел остров с расстояния пятнадцати лиг и описал его как огромную скалу окружённую не более пяти миль. В отчёте Картерета сказано, что остров густо порос лесом и что с утёсов там стекает поток пресной воды.

— Он высаживался?

— Нет. Был сильный прибой. С западной стороны они промерили глубину — двадцать пять саженей менее чем в миле от берега... Остров должен быть где-то здесь. Я намерен искать, пока мы его не найдём.

Он помолчал и спросил:

— Люди ропщут?

— Некоторые уже не просто ропщут.

Лицо Кристиана помрачнело.

— Пусть ворчат. Всё равно они будут делать то, что я скажу.

Шквал был уже совсем близко, закрывая горизонт от запада до севера. Воздух тревожно дрогнул, и в следующее мгновение «Баунти» накренился и содрогнулся под первым ударом ветра. Марсели наполнились с грохотом пушечных выстрелов; солнце исчезло, а ветер завывал в такелаже, неся пополам с воздухом хлеставшие почти горизонтально струи дождя.

— Право руля! — спокойно приказал Кристиан рулевому. — Не давай ей ложиться!

Огромные волосатые руки Квинтала быстро завертели штурвал. Внезапно наступившую темноту и рёв ветра прорезали тонкие голоса полинезийских женщин, похожие на крики морских птиц. Корабль выпрямился, набирая ход, а сила ветра начала слабеть. Через десять минут худшее осталось позади, и вскоре «Баунти» снова застыл в штиле — теперь под настоящим водопадом отвесно падавшего дождя. Вода лилась ослепляющими, удушливыми потоками; её плеск и рокот на поверхности моря заглушали человеческие голоса. С тентов хлестала пресная вода, и едва одна бочка наполнялась, как на её место подкатывали другую. Мужчины и женщины, оставшись в одних набедренных повязках из тапы, тёрли друг другу спины кусочками пористого вулканического камня.

Не прошло и часа, как облака рассеялись. Солнце, поднявшееся уже высоко над горизонтом, сушило палубы «Баунти». На юго-западе показалась полоса рябящей тёмно-синей воды. Реи развернули на другой галс, и вскоре корабль снова лёг на курс. Янг ушёл вниз. Кристиан стоял у наветренного борта, глядя на пустынное море с выражением мрачным и суровым, не по годам тяжёлым. В присутствии других он всегда владел собой, но, оставаясь один, невольно погружался в мысли о прошлом и о том, что ещё могло ждать впереди. По трапу легко поднялась высокая молодая девушка, подошла к нему и положила руку ему на плечо. Маймити в ту пору не было и восемнадцати. Она принадлежала на Таити к знатному роду и оставила землю, слуг и родных, чтобы разделить сомнительную судьбу своего английского возлюбленного. Тонкие кисти рук, маленькие босые ступни, светлая кожа и благородные черты лица выделяли её среди остальных женщин на корабле. Когда она коснулась его плеча, лицо Кристиана смягчилось.

— Мы сегодня найдём землю? — спросила она.

— Надеюсь. Она не может быть далеко.

Маймити опёрлась о фальшборт рядом с Кристианом и ничего не ответила. Сейчас её охватывало радостное предвкушение. В её жилах текла кровь предков-мореходов, и это путешествие в неизведанные моря, о которых её народ хранил лишь древние предания, было приключением вполне в её духе. В носовой части корабля, в тени брашпиля, где их разговор нельзя было подслушать, двое белых мужчин о чём-то серьёзно беседовали. Маккой был шотландцем с ирландской фамилией — худой, костлявый человек с густыми рыжеватыми волосами и длинной шеей, на которой резко выступал кадык. Его собеседник Айзек Мартин был американцем. Оказавшись в Лондоне как раз тогда, когда «Баунти» готовился к плаванию, Мартин сумел

разговориться в трактире со штурманом корабля и дезертировал со своего судна, соблазнившись возможностью отправиться в Южные моря. Это был смуглый, грубоватый мужчина лет тридцати, со слабым лицом и чёрными бровями, сраставшимися над переносицей.

— Мы дали ему достаточно времени, Уилл, — угрюмо сказал он. — Нет никакого проклятого острова, вот что я тебе скажу! А если и есть, то уж точно не здесь.

— Ага. Гоняемся за призраком, тут и спорить нечего.

— Значит, пора дать ему понять, что нам осточертело вот так болтаться по морю! Миллс того же мнения, и Мэтт Квинтал с нами. Браун сделает, что скажем. Алекса не уговоришь — для него Кристиан сам Господь Бог! Думаю, Джеку Уильямсу тоже всё это надоело. Значит, нас шестеро против троих. Как назывался тот остров, что мы видели к западу?

— Раротонга, так полинезийцы сказали.

— Вот именно! Туда нам и надо. И девок на берегу наверняка сколько хочешь. Даже если мы найдём этот Питкэрн, окажется он просто проклятой скалой, а женщин там будет только столько, сколько мы привезли с собой. Двенадцать на пятнадцать мужчин!

Маккой кивнул.

— Девушек нам не хватает. Если больше не найдём, ещё хлебнём беды.

— На Раротонге выбирали бы кого захотели. Пора заставить его вести нас туда — хочет он того или нет!

— Заставить? Господи! Ловко ты говоришь, Айзек, когда тебя никто не слышит!

Мартин резко умолк: незаметно для него сзади подошёл Смит. Это был крепко сложенный молодой человек лет двадцати с небольшим, ниже среднего роста, с лицом, слегка изрытым оспой. И всё же лицо у него было приятное, открытое и честное: орлиный нос, твёрдый рот и широко расставленные голубые глаза, в которых одновременно читались добродушие и уверенность в собственных силах. Он стоял, скрестив на груди мускулистые татуированные руки, и с иронической улыбкой смотрел на товарищей. Мартин покосился на него.

— Да, Алекс, — проворчал он, — это из-за тебя и Джека Уильямса мы уже две недели болтаемся посреди пустого моря. Поддержали бы нас — давно заставили бы Кристиана увести корабль отсюда.

Смит повернулся к Маккою.

— Ты только послушай его, Уилл! Айзек у нас лучше всех знает, что должен делать мистер Кристиан. Он один понимает, куда нам следует идти! Может, капитаном его сделаем?

— Но одно надо признать, Алекс, — примирительно заметил Маккой. — Мы уже три месяца как ушли с Таити и почти три недели ищем этот остров Питкэрн! Откуда ему знать, что такой остров вообще существует?

— Чёрт тебя побери! Ты что, думаешь, мистер Кристиан такой дурак, чтобы искать несуществующий остров? Ручаюсь, не пройдёт недели, как он его найдёт.

— А если не найдёт? — спросил Мартин.

— Сам у него спроси, Айзек. Думаю, ответ он тебе даст быстро.

Разговор прервал крик сверху — с салинга фок-мачты окликнул вахтенный.

— Эй там! Что видишь? — проревел Смит.

— Птиц! Целая туча прямо по курсу!

Кристиан, прохаживавшийся с Маймити по кормовой палубе, остановился.

— Сбегай вниз и принеси мою подзорную трубу, — сказал он девушке.

Через минуту он уже поднимался по вантам с трубой в руке. Один из полинезийцев оказался наверху раньше него. Его натренированный взгляд сразу различил далёких птиц, а затем быстро obeжал горизонт с севера на юг.

— Крачки, — сказал он, когда Кристиан опустил трубу. — Там альбакоры. Земля близко. Кристиан кивнул.

— Корабль едва идёт. Спустите каноэ и попробуйте наловить рыбы. Ты и ещё двое.

Полинезиец быстро спустился на палубу, крикнув товарищам:

— Несите удилища и плетёный шнур для аутригера!

Свободные от вахты собрались посмотреть, как полинезийцы вынесли из кубрика крепкие бамбуковые удилища с самодельными лесами и необычными перламутровыми приманками. Поперечины уже были прикреплены к поплавку-балансиру; их уложили поперёк бортов длинного узкого долблёного каноэ и несколькими быстрыми оборотами шнура прочно закрепили. Каноэ спустили за борт, и через мгновение оно уже стремительно скользило впереди корабля. «Баунти» продолжал держать курс, лениво двигаясь по спокойному морю. Каноэ быстро ушло вперёд, но через час корабль снова оказался с ним вровень. Один человек ловил рыбу, а двое гребцов гоняли лёгкую лодку туда-сюда посреди огромного косяка альбакоров. Над ними висела туча морских птиц: олуши камнем падали вниз со сложенными крыльями, а чёрные глупые крачки целыми стаями опускались к воде всякий раз, когда хищная рыба выгоняла мелочь к поверхности. Косяки крошечных кефалей и кальмаров в панике металась из стороны в сторону, спасаясь одновременно от свирепых альбакоров снизу и жадных птичьих клювов сверху. Рыбак стоял на корме каноэ, далеко за лодкой волоча по воде перламутровую приманку. Снова и снова люди на корабле видели, как крепкое удилище внезапно сгибалось, а рыбак упирался ногами и одним могучим движением перебрасывал в каноэ быющего альбакора весом в тридцать или сорок фунтов.

Пока люди с «Баунти» с увлечением наблюдали за рыбной ловлей, один из полинезийцев принялся разводить огонь, чтобы приготовить улов. Уже было ясно, что рыбы хватит с избытком на всех. Вскоре каноэ подошло к борту, и на палубу перебросили два или три десятка крупных альбакоров. Александр Смит сменил наблюдателя на верхушке мачты. И теперь, когда все готовились к еде, сверху раздался его ликующий крик:

— Земля-а-а!

Мужчины и женщины бросились к вантам и полезли наверх, всматриваясь вперёд. Кристиан снова поднялся на мачту, устроился рядом со Смитом и навёл подзорную трубу на горизонт. Южная зыбь заставляла линию между морем и небом колебаться, однако в одном месте прямо по курсу эта подвижная черта прерывалась. Над водой возвышался тёмный треугольник — настолько крошечный, что заметить его мог только исключительно острый глаз. Обхватив одной рукой мачту и надёжно уперев трубу, Кристиан долго смотрел вперёд.

— Ей-богу, Смит! — наконец произнёс он. — Ну и глаза у тебя!

Молодой матрос улыбнулся.

— Это Питкэрн, сэр?

— Думаю, да, — рассеянно ответил Кристиан.

До земли было ещё далеко. К полудню ветер посвежел, и после обеда, состоявшего из свежей рыбы, все не отрываясь смотрели вперёд, где над горизонтом всё выше поднимался суровый остров. Полинезийцы, не склонные тревожиться о будущем, наблюдали за ним с живым любопытством, но среди белых матросов не одно лицо оставалось угрюмым и мрачным. Пока очертания острова менялись и он всё выше вырастал перед кораблём, Кристиан сидел в своей каюте на нижней палубе. Вместе с ним находились двое полинезийцев — признанные вожаки остальных, которых он попросил прийти к нему. Минари, уроженец Таити, был огромного роста, с мужественным суровым лицом и спокойной уверенностью человека высокого происхождения. Голос его был низким и сильным, тело покрывали сложные причудливые татуировки, а густые волосы с железной проседью удерживал тюрбан из белой тапы. Его спутник Тетахити был молодым вождем с Тубуаи. Он покинул родной остров из дружбы к Кристиану и потому, что понимал: останься он там после ухода корабля, эта самая дружба стоила бы ему жизни. Жители Тубуаи относились к белым с непримиримой враждебностью, и лишь счастливая случайность позволила мятежникам покинуть остров без потерь. Тетахити был также могучего сложения, хотя несколько стройнее Минари; черты его лица были мягче, а выражение

— менее суровым. Оба знали, что «Баунти» разыскивает остров, где можно было бы основать поселение. Теперь Кристиан собирался рассказать им истинное положение вещей. Они молча ждали.

— Минари, Тетахити, — наконец начал он, — есть кое-что, что должны знать вы и остальные полинезийцы. Мы были товарищами на корабле, а если земля впереди окажется пригодной для жизни, скоро станем соседями на берегу. По некоторым причинам я до сих пор не мог рассказать вам всей правды. На корабле лишние разговоры ни к чему. Понимаете?

Они кивнули.

— Блай говорил жителям Таити, будто он сын капитана Кука. Он лгал. У себя на родине он не был вождем и не обладал ни справедливостью, ни достоинством настоящего вождя. Получив власть, он стал высокомерным, деспотичным и жестоким. Вы наверняка слышали на Таити рассказы о том, как он приказывал пороть людей до крови. В конце концов терпеть его стало невозможно. Как капитан он получил власть непосредственно от короля Георга и пользовался ею, чтобы морить команду голодом среди изобилия и унижать офицеров на глазах у их подчинённых.

Минари мрачно улыбнулся.

— Понимаю. Вы убили его и забрали корабль.

— Нет. Я решил захватить корабль, заковать его в кандалы и предоставить нашему королю рассудить нас. Но люди слишком много вытерпели от Блая. Шестнадцать лун он обращался с ними так, как ни один полинезиец не стал бы обращаться со своей собакой, и кровь у них кипела. Чтобы спасти Блая жизнь, я спустил большую шлюпку и посадил его туда вместе с теми, кто пожелал уйти с ним. Мы дали им пищу и воду, и ради остальных я надеюсь, что они сумеют добраться до Англии. Что же до нас, своим поступком мы поставили себя вне закона. Теперь нас будут преследовать, а когда наш король узнает о случившемся, он пошлёт корабль искать нас в этих морях. Вы и остальные знали, что мы ищем далёкий, малоизвестный остров, где можно поселиться. Теперь вы знаете почему. Мы нашли остров. Минари, согласен ли ты остаться там? Если место окажется подходящим, дальше мы не пойдём.

Вождь слегка кивнул.

— Я согласен.

— А ты, Тетахити?

— Я никогда не смогу вернуться на родину, — ответил тот. — Куда поведёшь ты, туда пойду и я.

Когда пробили четыре склянки, Кристиан поднялся на палубу. «Баунти» уже приближался к земле. С расстояния примерно в одну лигу остров простирался от востока-северо-востока до востока-юго-востока и казался высоким хребтом с небольшой вершиной на каждом конце. Южная вершина поднималась не менее чем на тысячу футов и более полого спускалась к морю; её северная соседка была окружена головокружительными обрывами, о которые с грохотом разбивались волны, взметая вверх фонтаны брызг. Два русла, скрытые буйной зеленью, спускались к морю, а примерно посередине между вершинами тонкая белая нить отмечала водопад, низвергавшийся с утёса. Побережье было усеяно грозными скалами; на севере и юге они высоко поднимались над пеной прибоя. Над кораблём сновали тучи морских птиц, равнодушно взиравших на незваных гостей, вторгшихся в их одиночество. Повсюду, кроме отвесных утёсов, где птицы выводили птенцов, остров сиял сочной зеленью: на плодородной вулканической почве, щедро орошаемой дождями, растительность буйствовала. Полинезийские пассажиры не упускали ни одной особенности открывавшегося вида, и от группы у борта то и дело доносились возгласы удивления и восторга.

Лотовый начал выкрикивать глубины по мере того, как море мелело. Когда северная оконечность острова находилась ещё в полумиле, под килем было тридцать саженей. Кристиан

приказал подобрать паруса так, чтобы корабль мог идти на юго-восток вдоль берега. Когда «Баунти» поравнялся с северной вершиной, гора заслонила ветер; корабль медленно двигался дальше, подталкиваемый редкими порывами, сбегавшими с суши. Берег в четырёх кабельтовых от корабля круто поднимался на двести футов и выше, и едва ли нашёлся на борту человек, который не выразил бы восхищения открывшимся видом. Между западными горами и другими вершинами, видневшимися на востоке, лежала широкая пологая впадина, пересечённая небольшими долинами и с трёх сторон окружённая хребтами и пиками. Здесь раскинулись многие сотни акров плодородной лесистой земли, защищённой от ветров со всех сторон, кроме северной.

Море было спокойно. Не прошло и часа, как паруса убрали и «Баунти» бросил якорь на глубине двадцати саженей напротив бухты, где, по всей видимости, можно было пристать к берегу и взобраться на крутые зелёные склоны. Стоя на четвердеке, Кристиан повернулся к Янгу.

— Думаю, лучшего места для высадки мы не найдём, хотя южного берега ещё не видели. Я возьму троих полинезийцев и сейчас осмотрю его. Если ветер переменится, отойди от берега. Мы сами о себе позаботимся.

Вскоре маленькое каное спустили за борт. Тетахити и ещё двое мужчин взялись за вёсла, Кристиан уселся на носу, и лёгкая лодка быстро заскользила прочь от корабля. Миновав одинокую скалу и мыс у восточного края бухты, каное пошло вдоль подножия небольшой лесистой долины, где огромные старые деревья возвышались над зарослями папоротников и цветущих кустарников. Выше линии прибоя повсюду рос панданус — винтовая пальма; его колючие листья были мокры от солёных брызг, а цветы наполняли воздух восхитительным ароматом. Вскоре они обогнули самый восточный мыс острова, отвесно обрывавшийся в море среди огромных скал, вокруг которых кипел прибой.

Когда каное повернуло на запад, перед Кристианом открылась мелкая бухта в форме полумесяца. Южная зыбь с огромной силой обрушивалась здесь на узкую песчаную полосу у подножия отвесных скал, взобраться на которые без спущенных сверху верёвок было невозможно. Вдоль скальных стен кружила туча морских птиц, так высоко над головой, что даже в короткие мгновения затишья между ударами волн их крики не достигали людей в каное.

— Плохое место! — сказал Тетахити, когда лодку подняло на гребень волны и сквозь дымящуюся пену показался пляж. — Человеку отсюда не выбраться. Разве что ящерице.

— Идём дальше, — приказал Кристиан. — Посмотрим, что там.

Всё южное побережье острова оказалось неприступным: из моря торчали зубчатые скалы, а берег вздымался отвесными стенами, почти не уступавшими утёсам полукруглой бухты. На западной стороне обнаружилась небольшая выемка, где в тихую погоду лодка, пожалуй, могла бы пристать. Но, завершив обход острова, Кристиан уже не сомневался: бухта, напротив которой стоял на якоре «Баунти», была единственным по-настоящему пригодным местом для высадки. Солнце садилось, когда он вернулся на «Баунти». Кристиан приказал поднять якорь и поставить паруса, чтобы на ночь отойти от острова и держаться с наветренной стороны.

Глава II

На рассвете следующего утра остров находился к северу, примерно в трёх лигах. Идя круто к ветру левым галсом, корабль плавно скользил по спокойному морю и около семи часов миновал юго-восточную оконечность острова. Обогнув мыс, примерно в полумиле к северо-западу они увидели неглубокую бухту, где «Баунти» стоял на якоре накануне. Непрерывно промеряя глубину, выставив наблюдателей на мачтах и на носу, корабль подошёл к берегу и снова бросил якорь в полумиле от пляжа, на глубине семнадцати саженей.

Кристиан и Янг стояли рядом на квартердеке, пока паруса подтягивали и убирали. Кристиан внимательно осмотрел берег в подзорную трубу и наконец повернулся к своему спутнику.

— Большую часть дня я проведу на берегу, — сказал он. — Если погода хоть немного изменится, выбирай якорный канат и будь готов отходить в море.

— Есть, сэр.

— Нам повезло с этим юго-западным ветром. Остаётся только молиться, чтобы он не переменился.

— Не переменится, можете не сомневаться, — ответил Янг. — По небу видно.

— Прикажи спустить одно из полинезийских каноэ.

Распоряжение выполнили быстро, и через несколько минут Кристиан вместе с Минари, Александром Смитом, садовником Брауном и двумя женщинами — Маймити и Моэтуа — направился к берегу. Минари сидел у рулевого весла. Бухта была усеяна огромными валунами, о которые с силой разбивались волны. Справа и слева к самой воде почти отвесно спускались каменные стены, но посередине бухты они обнаружили узкую полоску галечного берега — единственное место, где лодка могла пристать безопасно. Минари управлял каноэ с большим мастерством, отдавая короткие команды гребцам и следя за волнами, накатывавшими с кормы. Некоторое время они ждали за линией прибоя, а затем, улучив подходящий момент, понеслись к берегу на гребне длинной волны. Едва дно каноэ коснулось гальки, все выскочили наружу и вытащили лодку туда, куда уже не достигала вода.

Прямо перед ними круто поднимался густо заросший лесом склон — разрушенный остаток того, что некогда, должно быть, представляло собой сплошную каменную стену. Тут и там росли казуарины, некоторые невероятных размеров; их ажурная хвоя постоянно блестела от морских брызг. Кокосовые пальмы и панданусы поднимали свои пышные кроны над спутанной зеленью, а в густой тени росло множество видов папоротников. Несколько мгновений все молча оглядывались вокруг. Затем Маймити радостно вскрикнула и быстро направилась к кусту, росшему в расщелине между камнями. Она вернулась с веткой, покрытой блестящими листьями и небольшими белыми цветами, словно вылепленными из воска. Маймити прижала их к лицу и вдохнула тонкий аромат.

— Это тефано, — сказала она, поворачиваясь к Кристиану.

Моэтуа была восхищена не меньше. Женщины сразу набрали целые охапки цветов, уселись на землю и принялись плести венки для волос.

— Нам будет хорошо здесь, — сказала Моэтуа. — Смотри! Повсюду панданусы, аито и пурау. Почти как на Таити.

— Но стоит посмотреть на море — и уже не Таити, — задумчиво добавила Маймити. — Здесь нет рифа. Нам будет не хватать тихих лагун. И где реки? На таком маленьком острове, который так круто обрывается к морю, больших рек, наверное, быть не может.

— Нет, — сказал Кристиан. — Таких рек, как на Таити, мы здесь не найдём. Но в некоторых оврагах наверняка есть ручьи. Как думаешь, Минари?

Таитянин кивнул.

— Без воды мы не останемся. Земля хорошая. Если даже среди этих скал всё так густо заросло, значит, почва плодородна. Таро, ямс и батат будут расти здесь прекрасно. Возможно, мы даже найдём их в диком виде. А в оврагах наверняка есть бананы.

Кристиан запрокинул голову и посмотрел на зелёную стену, круто уходящую вверх.

— Расчищать землю под наши посадки придётся долго.

— А я за такую работу возьмусь с радостью, — горячо ответил Смит. — Сердце радуется, когда снова чувствуешь запах земли. Мы с Брауном будем только счастливы оставить здесь корабль, если вы так решите, сэр. Правда, Уилл?

Садовник кивнул.

— Мы останемся, сэр? — спросил он. — Вы думаете, это и правда остров Питкэрн?

— Я в этом убеждён. Он находится далеко от места, отмеченного на карте капитана Картерета, но другого острова здесь быть не может. А вот останемся ли мы — это ещё предстоит решить.

Женщины уже закончили плести венки и надели их на густые чёрные волосы, свободно падавшие на плечи. Кристиан смотрел на них с восхищением. Ему казалось, что он никогда не видел ничего прекраснее этих двух девушек в одеждах из тапы, когда солнечные пятна и тени листьев скользили по их лицам и стройным смуглым телам. Маймити быстро поднялась.

— Пойдём дальше. Мне не терпится узнать, что там.

Во главе с Минари они вскоре начали подниматься по хребту. Полинезийцы, а вместе с ними и Смит, быстро ушли вперёд. Кристиан и Браун шли медленнее, время от времени останавливаясь, чтобы рассмотреть растения и деревья. Склон был очень крут; местами приходилось подтягиваться вверх, хватаясь за корни и кусты. После подъёма примерно на двести футов склон стал положе. Здесь остальные ждали их. Впереди лежала густо заросшая лесом местность, которая после крутого подъёма казалась почти ровной. Далеко внизу под безоблачным небом темнело море насыщенного синего цвета. К югу земля довольно долго плавно поднималась, затем становилась круче, приближаясь к хребту, который ограничивал обзор с этой стороны. На северо-западе виднелся ещё один хребет, заканчивавшийся с обоих концов горными вершинами, зелёными до самых макушек, хотя на обращённом к морю склоне северной горы местами проступали отвесные голые каменные стены.

Перед ними лежала скорее огромная наклонная терраса, чем долина. Её пересекали с полдюжины оврагов; верхний край упирался в главный южный хребет острова, нижний — в обрывы над морем. По их приблизительной оценке, западные и южные гребни возвышались на пять или шесть сотен футов над тем местом, где они стояли.

— Та вершина на юго-западе должна быть не меньше тысячи футов над уровнем моря, — сказал Кристиан.

— Да, сэр, — ответил Смит. — Здесь мы будем высоко и в безопасности. Снизу и не подумаешь, что наверху столько хорошей земли.

Неподалёку земля резко опускалась к небольшому ручью, скрытому под такими огромными деревьями, что солнечный свет почти не проникал сквозь их кроны. Здесь они нашли прозрачный поток и с удовольствием остановились напиться. Кристиан решил разделить группу.

— Минари, вы с Моэтуа идите налево и поднимитесь на главный хребет. Смит, вы с Брауном двигайтесь на запад вслед за подъёмом — надо узнать, что находится за ним. Я пойду вдоль северного края острова. Около полудня встретимся дальше, где-нибудь под той вершиной. Остров такой маленький, что заблудиться здесь трудно.

Они разошлись. Оставляя море справа в поле зрения, Кристиан вместе с Маймити направился на северо-запад. Время от времени сквозь листву им открывалась гора впереди — густо покрытая лесом до самой вершины, но со стороны моря обрывавшаяся отвесными каменными стенами. Если не считать далёкого тяжёлого грохота прибоя внизу, казалось, что тишину этого

места никто не нарушал с начала времён. Но через несколько минут, когда они отдыхали, сидя на стволе упавшего дерева, до них донёлся едва слышный птичий крик, повторявшийся снова и снова, словно издалека. К их удивлению, сама птица оказалась совсем рядом — маленькое серовато-пыльное создание с беловатой грудкой, метавшееся в подлеске и испускавшее свой одинокий монотонный зов.

Других наземных птиц они не увидели. Вообще единственными живыми существами, кроме неё, оказались небольшая коричневая крыса и крошечная переливающаяся ящерица, быстро скользившая по сухим листьям или поглядывавшая на путников с ветвей блестящими глазами. Вдруг Маймити остановилась.

— Здесь до нас уже были люди.

— Здесь? Глупости, Маймити! С чего ты взяла?

— Я знаю, — серьёзно ответила она. — Это было очень давно, но там, где мы сейчас идём, когда-то проходила тропа.

Кристиан недоверчиво улыбнулся.

— Не могу поверить.

— Потому что в тебе нет нашей крови, — ответила девушка. — Но Моэтуа поняла бы. Или Минари. Я почувствовала это ещё тогда, когда мы поднимались от места высадки. Теперь я уверена. Здесь когда-то жили люди моего народа.

— Тогда почему они ушли?

— Кто знает? Может быть, это несчастливое место.

— Несчастливое? Такой богатый и красивый остров?

— Возможно, люди принесли сюда с собой старое несчастье. Земля редко бывает виновата. Обычно виноваты те, кто на неё приходит.

Кристиан некоторое время молчал.

— Ты ошибаешься, Маймити. Что могло привести их так далеко от других земель?

— Не только вы, белые люди, на своих больших кораблях совершаете дальние путешествия, — ответила она. — Во всём этом огромном океане нет земли, которой люди моей крови не нашли бы раньше вас. И сюда они тоже приходили.

— Может быть... — сказал он. Немного погодя добавил: — Ты ведь думаешь, что мы будем здесь счастливы? Ты не жалеешь, что пошла со мной?

— Нет... — Она колебалась. — Но отсюда так далеко... Мы никогда больше не вернёмся на Таити?

Кристиан покачал головой.

— Никогда. Я говорил тебе об этом ещё до нашего отъезда, — мягко напомнил он.

— Я знаю...

Она посмотрела на него с печальной улыбкой; глаза её блестели от слёз.

— Только не сердись, если иногда я буду вспоминать Таити.

— Сердиться? Конечно нет! Но мы будем счастливы здесь, Маймити. Я уверен. Сейчас эта земля кажется нам чужой, но скоро мы построим дома, потом появятся дети — и остров станет нашим домом. Тогда тебе уже не будет грустно.

Отношения Кристиана с этой дочерью полинезийской знати не были ни случайным увлечением, ни поверхностной привязанностью. Всё началось вскоре после первого прибытия «Баунти» на Таити и становилось глубже с каждым днём тех долгих месяцев, когда корабль оставался у острова, собирая груз молодых хлебных деревьев. За время стоянки Кристиан приложил немало усилий, чтобы выучить местный язык, и преуспел настолько, что теперь мог довольно свободно на нём говорить. Когда исчез языковой барьер, он обнаружил, что Маймити совсем не та простодушная, живущая одними чувствами дочь природы, какой показалась ему сначала. Но всю глубину её преданности и любви он понял только тогда, когда ей пришлось

выбирать между ним и всем, что прежде было ей дорого, — родными, друзьями, привычной жизнью. Маймити не колебалась ни минуты.

Наконец она снова повернулась к нему и попыталась улыбнуться.

— Пойдём дальше.

Она взяла Кристиана за руку, словно ища защиты от чужой тишины этого места, и они медленно двинулись вперёд, заглядывая в заросли по обе стороны тропы и часто останавливаясь, чтобы осмотреть небольшие поляны, где густые кроны деревьев не позволяли разрастись подлеску. Вдруг Маймити остановилась и посмотрела вверх.

— Смотри! Итатэ!

Со стороны моря к ним приближались две белоснежные крачки, резко и чисто выделявшиеся на фоне голубого неба. Несколько мгновений они молча следили за птицами.

— Их я люблю больше всех, — сказала Маймити. — Помнишь их на Таити? Они всегда летают парами.

Кристиан кивнул.

— Как близко они подлетают. Будто знают тебя.

— Конечно знают! Разве я никогда не рассказывала, что ещё девочкой выбрала итатэ своими птицами? Какие они прекрасные! Вот увидишь: не пройдет недели, и они будут есть у меня из рук.

Теперь Маймити снова оживилась и с растущим удовольствием указывала Кристиану знакомые растения, деревья и цветы. Вскоре перед ними открылось пространство, похожее на парк, затенённое деревьями невероятной древности. Справа стоял гигантский баньян, его воздушные корни занимали огромную площадь. Миновав дерево и немного спустившись по склону, они вышли на небольшой холм неподалёку от места, где земля резко обрывалась к морю. Это был восхитительный уголок, наполненный запахами растущих и цветущих растений. Сквозь кроны огромных деревьев со стороны моря проникал прохладный ветерок. К северу за узкой долиной поднималась гора, закрывавшая весь дальнейший вид.

Кристиан повернулся к Маймити.

— Вот здесь я хотел бы построить наш дом.

Она кивнула.

— Я так и надеялась, что ты это скажешь! Лучше места не найти.

— Дома остальных можно разбросать по всему этому северному склону. В одной из маленьких долин наверняка найдётся вода.

Маймити снова стала такой же беззаботной, какой была до недавней печали. Они уселись на травянистом пригорке и принялись с увлечением строить планы: где именно будет стоять их дом, где проложат тропинки через лес, где разобьют сады. Наконец они поднялись и, пройдя через тенистую рощу, увидели хлебное дерево, возвышавшееся над окружающим лесом. Это было первое хлебное дерево, встретившееся им на острове. Из одного его корня выросло второе, меньшее дерево, и Маймити быстро взобралась по нему на нижние ветви большого, тяжело нагруженные плодами. Она сорвала с десятков крупных зелёных шаров и бросила их Кристиану.

— Сегодня устроим пир! — крикнула она сверху. — Ты взял огниво?

Кристиан достал кремень и кресало. Они собрали сухие листья, веточки и палки, развели хороший костёр и положили плоды прямо в огонь. Когда шероховатая зелёная кожура почернела со всех сторон, хлебные плоды оставили в горячей золе, а сами снова отправились исследовать остров. Через час они вернулись и увидели у костра Минари и Моэтуа. Те сидели на корточках и жарили яйца морских птиц, собранные на вершинах утёсов за южным хребтом. Минари принёс также гроздь молодых кокосов с питьевым соком и связку отличных бананов, найденных в глубине долины.

— Сегодня будем есть хорошо, — сказал он. — Богатая земля нам досталась. Дальше искать незачем.

— Я тоже так думаю, — ответил Кристиан. — Ты поднимался на южный хребет?

— Да. За ним хорошая земля, даже лучше, чем в этой долине. Я удивился, увидев её. Но жить нам всё же лучше с этой стороны.

— Отличная новость, Минари. Я тоже думал, что сразу за южным хребтом начинается море. Насколько далеко тянется земля?

— В некоторых местах на пять-шесть сотен шагов, полого спускаясь от хребта к высоким морским обрывам.

— Ручьи нашли?

— Один. Маленький, но вода хорошая.

— Яиц морских птиц нам тоже не будет не хватать, — сказала Моэтуа. — Все скалы на южной стороне изрезаны щелями, где они гнездятся. Я набрала эти яйца очень быстро. Только собирать их опасно. Когда смотришь вниз, голова кружится.

Близился полдень, но высокие деревья давали приятную тень, а лёгкий ветер оставался освежающе прохладным. Пока готовили еду, Кристиан снова прошёл к краю плато со стороны моря, откуда открывался полный полукруг горизонта. Далеко внизу, к востоку, он видел «Баунти», казавшийся совсем маленьким под огромными утёсами на фоне пустого океана. Якоря держали хорошо. Убедившись, что корабль не сносит, Кристиан сел, прислонившись спиной к дереву и обхватив руками колени, и оставался так, пока сверху не донёсся голос Маймити. Тогда он поднялся и медленно вернулся к остальным. Они уже начали есть, когда появились Смит и Браун. Оба были в восторге от увиденного.

— Прекрасное местечко, мистер Кристиан, — горячо сказал Смит. — Лучше я и не встречал. Мы поднялись вон на ту вершину.

— Много земли за западным хребтом?

— Совсем немного, сэр. Да и та вся в скалах да оврагах.

Кристиан повернулся к Брауну.

— Что полезного из растений и деревьев вы нашли?

— О кокосах и панданусах говорить нечего, сэр. Вы и сами видите: их больше, чем нам понадобится. Есть миро, сандал и тутуи...

— Свечное дерево? Вот это действительно полезная находка!

— Их здесь немало, по всему острову. А миро, как вы знаете, отличное дерево для строительства домов. Что до съедобных растений, хорошо, что мы привезли запас с собой. Нашли дикий ямс и разновидность таро, но больше почти ничего.

— С вершины вы видели весь остров?

— Да, сэр, — ответил Смит.

— Каковы примерно его размеры?

— Думаю, длина чуть больше двух миль, если и столько. Ширина примерно вдвое меньше. Так ведь, Уилл?

— Примерно так, — подтвердил садовник. — На той террасе, которую отсюда видно, прекрасная роща хлебных деревьев. Но я всё равно рад, что мы привезли молодые деревца. У нас есть сорта, которых здесь я сегодня не заметил.

— Вы не нашли никаких следов того, что здесь раньше жили люди?

— Признаться, сэр, мне даже в голову не пришло искать, — ответил Браун.

— Вы имеете в виду белых, мистер Кристиан? — спросил Смит.

— Нет. Уверен, что мы первые белые, ступившие сюда. Но Маймити считает, что когда-то здесь жили полинезийцы.

— Если и жили, то очень давно. Мы не нашли ни единого следа.

Кристиан повернулся к Минари и заговорил на его языке.

— Минари, как ты думаешь, могли ли когда-нибудь полинезийцы побывать на этой земле?

— Да, — спокойно ответил тот. — Здесь было поселение, именно в этом месте. Для деревни выбрали бы как раз его. И тот большой баньян был посажен человеком. Хлебное дерево тоже.

Маймити повернулась к Кристиану.

— Видишь? А ты мне не верил.

Кристиан недоверчиво улыбнулся.

— Я очень уважаю твоё мнение, Минари, но на этот раз уверен, что ты ошибаешься. До нас здесь жили только морские птицы.

Минари сунул руку в складку тапы на поясе и достал небольшой каменный тесак, прекрасно обработанный и отполированный до полной гладкости.

— Значит, его сюда принесли морские птицы? — спросил он.

Был уже поздний день, когда группа вернулась на корабль. Смит и Браун пошли на нос, где их сразу окружили другие матросы, жаждавшие услышать рассказ о земле. Кристиан удалился в каюту и поужинал там один. Ближе к закату он присоединился к Янгу на палубе. Некоторое время Кристиан молча расхаживал взад и вперёд, затем остановился рядом с товарищем, стоявшим у борта и глядевшим на высокие склоны острова, теперь залитые золотым светом заходящего солнца.

— Назовём эту бухту бухтой «Баунти», мистер Янг, если у вас нет предложения получше.

— Я как раз думал, сэр, что «Высадка Кристиана» было бы подходящим названием.

Кристиан покачал головой.

— Я не хочу, чтобы здесь хоть что-нибудь носило моё имя. Даже один из тех камней у берега. Скажите мне лучше: теперь, когда мы нашли это место, что вы о нём думаете?

— Что мы могли бы обыскать весь Тихий океан и не найти ничего более подходящего.

— Настоящей якорной стоянки здесь нет, — продолжал Кристиан. — То место, где мы сейчас стоим, лучшее из всего, что может предложить остров. Представьте эту бухту при северном шторме. Ни один корабль не продержится здесь и десяти минут. Вы понимаете, что значит решение остаться? Наши плавания закончатся здесь и теперь — до последнего дня нашей жизни.

— Разумеется, сэр, — спокойно ответил Янг.

— И вы готовы к этому?

— Полностью.

Кристиан быстро взглянул на него, словно желая убедиться в искренности ответа. Когда он заговорил снова, в голосе уже не было тона капитана, обращающегося к младшему офицеру. В глазах появился дружеский блеск, а в голосе — почти просьба.

— Старый друг, отныне давай покончим с корабельными формальностями. Успех или гибель маленькой колонии, которую мы создадим здесь, во многом будут зависеть от нас двоих. Мне очень понадобится твоя помощь, а когда-нибудь, возможно, и тебе понадобится моя. Что бы ни случилось, будем держаться друг за друга.

— Именно так и будет, — тепло ответил Янг и протянул руку. — Вот вам моё слово.

Кристиан крепко пожал её.

— Люди у нас непростые. Впрочем, следовало ожидать, что самые буйные из них уйдут со мной... Скажите откровенно: почему вы вообще пошли? Вам ведь не было необходимости. В мятеже вы не участвовали. Вы могли остаться на Таити вместе с другими невиновными и дожидаться корабля, который доставил бы вас домой. Там военно-морской суд наверняка оправдал бы вас.

— Могу сказать одно, — ответил Янг. — Я ни разу не пожалел о своём решении.

Кристиан снова посмотрел на него.

— Вы говорите искренне. Я это вижу. И всё же, когда думаю, от чего вы отказались ради того, чтобы связать свою судьбу со мной...

— Помните Землю Ван-Димена? — спросил Янг. — Когда Блай приказал привязать меня к пушке и выпороть?

— Такое я вряд ли забуду, — мрачно ответил Кристиан.

— С того дня в душе я уже был мятежником, — продолжал Янг. — Никогда прежде вам этого не говорил, но если бы появилась возможность, я дезертировал бы ещё до отплытия с Таити — тогда мы думали, что возвращаемся домой. Как вам известно, сам мятеж я проспал. Когда меня разбудили и приказали выйти на палубу, всё уже закончилось. Блая и его людей посадили в баркас, и лодка была далеко за кормой. Если бы я заранее знал, что вы собираетесь сделать...

Он замолчал.

— Не могу сказать, Кристиан, что открыто поддержал бы вас. Думаю, мне не хватило бы мужества...

— Не будем больше об этом, — перебил Кристиан. — Вы здесь. Вы даже не представляете, как много для меня значит одна эта мысль.

Некоторое время он молчал, затем добавил:

— Я думал о том, каким раем мог бы стать Питкэрн, если бы мы могли сами выбрать людей, которые поселятся здесь с нами. Судьба редко предоставляет человеку такую возможность — создать маленький мир, полностью отрезанный от всего человечества, и растить детей так, чтобы они не знали никакой другой жизни, кроме той, которую увидят на этом острове.

Янг кивнул.

— Кого бы вы выбрали из первоначальной команды «Баунти», если бы могли?

— Предпочитаю об этом не думать, — мрачно ответил Кристиан. — Придётся обходиться теми, кто у нас есть. Полинезийцы — прекрасные люди, кроме одного, а может быть, двух. Относительно них я почти ни о чём не жалею. Но что касается людей нашей крови...

Он не договорил.

— Брауна и Алекса Смита вы, думаю, выбрали бы в любом случае, — заметил Янг.

— Их я действительно не имел в виду. Оба хорошие люди.

— И оба почти боготворят вас, — добавил Янг с лёгкой улыбкой. — Особенно Смит. Преданнее человека вы не найдёте.

— Рад это слышать. Я очень привязан к Смигу. Что вы вообще о нём знаете? Откуда он?

— За последние три месяца я узнал о нём больше, чем за всё плавание из Англии. Когда Блай набирал команду «Баунти», Смит работал на Темзе на лихтере. Он ненавидел эту работу и только ждал возможности снова уйти в море. Он рассказал мне, что настоящее его имя — Адамс. Джон Адамс. Родился и вырос в приюте для подкидышей неподалёку от Лондона.

— Адамс? Любопытно. Почему же он сменил имя?

— Сам он ничего не объяснял, а я не счёл возможным расспрашивать.

— Разумеется. Какой бы неприятности он ни пытался избежать, могу поручиться: ничего подлого или бесчестного с его стороны там не было.

— Я бы сам поклялся в этом, — горячо ответил Янг. — Он грубоват и необразован, но на него можно положиться. В нём нет ни капли хитрости или нечестности.

После короткого молчания Кристиан сказал:

— Скоро нам предстоит принять ещё одно решение. Оно касается корабля.

— Вы собираетесь уничтожить его?

— Да. Вы согласны?

— Полностью.

— При таком острове другого выхода нет. Но я хочу, чтобы предложение исходило от самих людей. Если они ещё не поняли необходимости, то скоро поймут.

— А если бы здесь была безопасная гавань?

— Даже тогда я не хотел бы сохранять корабль. Нет, нужно сжечь за собой все мосты. Вряд ли во всём Тихом океане найдётся остров более одинокий, но о нём всё-таки известно, и когда-нибудь сюда могут зайти. Корабль не спрячешь. А когда «Баунти» исчезнет, мы сможем устроить поселение так, чтобы с моря не было видно никаких признаков жилья. Высадка здесь опасна, и вряд ли проходящее судно рискнёт её предпринять, особенно если остров будут считать необитаемым. Избавимся от корабля — и почти перестанем бояться обнаружения.

— Можно предложить одну вещь?

— Конечно. Всегда говорите мне всё, что думаете.

— Люди ждут и хотят узнать ваши планы. Может быть, стоит сегодня вечером рассказать им, что вы думаете об острове?

Кристиан задумался.

— Хорошо. Согласен. Позовите их на корму.

Пока Янг исполнял распоряжение, Кристиан ходил по квартердеку. Белые и полинезийцы собрались полукругом у бизань-мачты, ожидая его слов. Женщины встали позади, выглядывая из-за плеч мужчин и тихо переговариваясь. Странная это была команда, собравшаяся на палубе «Баунти», чтобы услышать решение своего предводителя.

— Прежде чем мы предпримем что-либо ещё, — начал Кристиан, — я хочу убедиться, что вы согласны сделать этот остров нашим домом. Все вы решили искать его и, если место окажется подходящим, поселиться здесь. Те, кто сегодня был со мной на берегу, уже рассказали вам, что мы нашли. Но помните: если мы высаживаемся, то остаёмся навсегда. Если кто-нибудь против — сейчас самое время сказать.

Сразу несколько человек откликнулись.

— Я за то, чтобы остаться, мистер Кристиан.

— Уютное местечко. Лучше и пожелать нельзя, сэр.

Первым из недовольных заговорил Миллс.

— Я бы не назвал его уютным местечком.

— Почему? — спросил Кристиан.

Когда командир обратился непосредственно к нему, Миллс беспокойно переступил с ноги на ногу и нахмурился, поглядывая на товарищей.

— Я сказал, что думаю, мистер Кристиан. По мне, так это неподходящее место. И при своём мнении останусь.

— Но это не причина. Вы ведь должны понимать, почему оно вам не нравится. Что именно не устраивает?

— Его никакое место не устроит, мистер Кристиан, — вмешался кузнец Уильямс. — Вот в чём правда.

— Вы предпочли бы Таити? — спросил Кристиан.

— Не скажу, что отказался бы вернуться, если бы появилась возможность.

Кристиан некоторое время молча смотрел на него.

— Послушайте меня, Миллс. И все остальные тоже. Я уже говорил об этом, но повторю ещё раз — и в последний. Мы уже не честные английские моряки на собственном корабле, свободные идти куда захотим. Мы беглецы от правосудия, виновные сразу в двух преступлениях — мятеже и пиратстве. Как только о мятеже станет известно, нас непременно начнут искать.

— Неужели вы думаете, что старик Блай доберётся до Англии, сэр? — перебил Мартин.

Кристиан остановился и мрачно посмотрел на него.

— Ради невинных людей, ушедших с ним, я хотел бы, чтобы он добрался. Сейчас, правда, это кажется маловероятным. Возможно, о них больше никогда ничего не услышат. Но Его Величество не позволит одному из своих кораблей исчезнуть бесследно, не приказав провести широкие поиски и выяснить его судьбу.

— Для этого отправят военный корабль, и сначала он пойдёт на Таити. Там офицеры узнают о мятеже от тех наших людей, которые остались на острове. Затем весь Тихий океан будут прочёсывать в поисках нашего убежища. Посетят каждый остров, который сочтут хоть сколько-нибудь вероятным местом нашего укрытия. Если нас найдут и возьмут — каждого ждёт смерть. Что касается меня, живым я не дамся.

— И я, сэр! — выкрикнул Смит.

Его поддержали другие мятежники. Было ясно, что необходимость надёжного убежища понимают почти все.

— Хорошо, — продолжал Кристиан. — Похоже, никто или почти никто из вас не желает болтаться на рее одного из военных кораблей Его Величества. Что же тогда разумнее всего сделать? Конечно, найти остров, который, скорее всего, никто не посетит, пока мы живы. Такой остров мы нашли. Он перед нами. Отсюда больше тысячи миль до Таити, и место это далеко от любых путей, по которым суда обычно пересекают Тихий океан.

— Земля плодородна и приятна — вы сами это видите. Наши полинезийские друзья, чьему мнению в таких вопросах я доверяю больше собственного, считают, что остров способен дать нам всё необходимое. Здесь нет жителей, которые могли бы напасть на нас; то, что случилось на Тубуаи, здесь не повторится.

— По-моему, место почти идеальное. Мистер Янг также считает, что, обыскав весь Тихий океан, мы вряд ли нашли бы остров, более подходящий людям в нашем положении. Поэтому подумайте как следует. Делаем Питкэрн нашим домом или нет? А те, кто против, должны привести доводы получше, чем довод Миллса.

— Это навсегда, мистер Кристиан? — спросил Маккой.

— Да. Никаких сомнений на этот счёт быть не должно. Я уже сказал: если сходим на берег — остаёмся здесь.

— Тогда я против.

— Почему?

— Остров слишком мал. Нам было бы лучше на том острове, который мы видели после мятежа по дороге к Тубуаи.

— Вы имеете в виду Раротонгу.

— Да. Там место получше.

Кристиан некоторое время размышлял.

— Скажу вам вот что, Маккой. Я действительно всерьёз думал повести корабль на Раротонгу. Но есть веские причины, по которым отказался от этого. Об острове знают люди с «Баунти», оставшиеся на Таити, а среди них наверняка найдутся такие, кто расскажет о нём офицерам корабля, посланного нас искать. Кроме того, до Таити оттуда немногим больше ста лиг. В безопасности мы там себя никогда не почувствуем. Есть ещё возражения?

Он подождал, переводя взгляд с одного мятежника на другого. Миллс избегал его глаз, стоя со скрещёнными руками и сердито глядя в пустоту. Мартин посмотрел на Квинтала и незаметно толкнул его босой ногой, словно побуждая заговорить, но новых возражений не последовало.

— Хорошо. Кто за то, чтобы сделать остров Питкэрн нашим домом, поднимите руку.

Пять рук поднялись сразу. После короткого колебания Маккой присоединился к большинству. За ним — Мартин.

— Ну, Миллс? — резко спросил Кристиан.

Старый матрос с усилием поднял руку.

— Я понимаю, что так, наверное, лучше, мистер Кристиан. Но тяжело знать, что тебя на всю жизнь отрезают от мира на такой скале.

— Ещё тяжелее было бы оказаться отрезанным от жизни петлёй, — мрачно ответил Кристиан.

— А что делать с кораблём, сэр? — спросил Мартин.

— Сжечь, — сказал Смит.

— Да, сжечь и затопить, мистер Кристиан, — поддержал его Уильямс. — Иного выхода нет.

Мартин и Миллс тут же начали возражать, и несколько мгновений все матросы кричали одновременно. Кристиан подождал и затем приказал замолчать.

— Среди вас нет ни одного настолько плохого моряка, чтобы не понимать: держать корабль здесь невозможно. Его придётся разобрать и сжечь. Что ещё мы можем сделать?

Этот вопрос обсуждали довольно долго, но вскоре всем стало ясно, что другого выхода действительно нет. Когда предложение поставили на голосование, решение приняли единогласно.

— Осталось сказать только одно, — продолжил Кристиан. — Отныне во всех важных делах, касающихся нашей общины, каждый мужчина будет иметь право голоса. Все вопросы будут решаться волей большинства. Согласны?

Все поддержали это предложение. Кристиан напомнил, чтобы они запомнили договорённость, и отпустил людей. Когда остальные разошлись, Янг повернулся к нему.

— Ради их же блага, Кристиан, вы слишком великодушны.

— Потому что дал им право участвовать в решениях?

— Да. Думаю, окончательное решение всё-таки должно оставаться за вами.

— Я прекрасно понимаю опасность, — ответил Кристиан. — Но другого пути нет. Только по моей вине они сейчас здесь. Если бы я не поднял их на мятеж, «Баунти» теперь уже приближался бы к Англии... к дому.

Он умолк и мрачно посмотрел на остров.

— Думаю, эта мысль часто приходит им в голову.

— Но они сами охотно пошли за вами, — ответил Янг. — Ни один не присоединился против своей воли.

— Знаю. И всё же тогда я увлёк их за собой одним внезапным порывом. У них не было времени подумать о последствиях. Нет, Эдвард. Даже самому ничтожному из них я обязан дать всё возможное взамен того, что они потеряли. Справедливость требует, чтобы каждый имел голос в наших делах, даже если я знаю, что иногда это обернётся им же во вред. Но надеюсь, что мы с тобой сможем направлять их к разумным решениям.

Солнце уже скрылось. Казалось, тишина земли разливается наружу и сливается с тишиной моря. Высоко в небе бесчисленные морские птицы медленно кружили, издавая одинокие крики в неподвижном воздухе. Их крылья ещё ловили свет, поднимавшийся из-за горизонта. «Баунти» мягко покачивался на длинных плавных волнах, приходивших из открытого океана. Наконец Кристиан отвернулся от борта.

— Мирное место, Эдвард, — сказал он. — Дай Бог, чтобы мы сумели сохранить его таким.

Глава III

С первыми лучами дня люди на «Баунти» уже были на ногах, и приготовления к выгрузке припасов шли полным ходом. Все мятежники, кроме садовника Брауна, должны были остаться на борту под началом Янга и передавать груз на берег. После этого им предстояло приступить к разборке корабля. Полинезийские мужчины и большинство женщин составляли береговую группу: они перевозили груз к месту высадки на корабельных куттерах и двух каноэ, привезённых с Таити. Как только будет проложена тропа, припасы следовало поднять к площадке над бухтой, выбранной для временного поселения.

Кузнец Уильямс переделал несколько абордажных сабель в тяжёлые лесные ножи, спилив верхнюю часть длинных клинков. Вооружившись ими, а также топорами, мотыгами и лопатами, Минари и двое его соплеменников вскоре уже работали на берегу: прорубались сквозь густые заросли и расчищали зигзагообразную тропу к ровной земле наверху. Хотя часть запасов «Баунти» была оставлена мятежникам, решившим остаться на Таити, на борту всё ещё находилось немало полезного: бочки с крепким спиртным, солонина из говядины и свинины, сушёный горох и бобы, большой запас одежды, бочонки с порохом и гвоздями, железо для кузнечных работ, свинец для отливки мушкетных пуль и многое другое. Имелись также четырнадцать мушкетов и несколько пистолетов.

Из живности оставалось полдюжины больших клеток с птицей, двадцать свиноматок, две из которых опоросились во время плавания, пять хряков и три козы. Поскольку остров был невелик, решили выпустить и птицу, и животных на волю, чтобы они сами находили себе корм, пока поселенцы не займутся строительством домов. Погода стояла идеальная: небо без единого облака, лёгкий юго-западный ветер. Так продолжалось пять дней. К концу этого времени на берег были перенесены драгоценные саженцы, животные и почти все корабельные припасы, а на площадке над бухтой из запасных парусов «Баунти» соорудили временные укрытия. Именно тогда произошёл случай, вызвавший сильнейшее волнение среди полинезийцев.

С незапамятных времён у них существовал обычай: переселяясь с одной земли на другую, люди брали с собой несколько священных камней из родовых мараэ — храмовых мест, чтобы освятить ими святилища на новой земле. Таитяне привезли два таких камня из мараэ Фарерои на северном побережье родного острова. Они находились на попечении Минари.

Минари вынес их на палубу, чтобы переправить на берег. Мартин, увидев камни у трапа и почти ничего не понимая в их значении, да и не желая понимать, просто выбросил их за борт. Все полинезийские мужчины в тот момент находились на берегу, но поступок Мартина увидели несколько женщин. Они пришли в ужас. Одна из них немедленно прыгнула в воду, доплыла до берега и рассказала мужчинам о случившемся.

Те поспешили обратно. Белые матросы на носу корабля уже приготовились защищать Мартина и, если потребуется, силой отстаивать его святотатственный поступок. До настоящей драки не дошло лишь благодаря быстроте Маймити и такту Янга, пользовавшегося уважением и доверием полинезийцев. К счастью, священные камни ещё можно было различить на белом песке под кораблём. Понадобилось всего несколько минут, чтобы нырнуть за ними, привязать к верёвкам и поднять обратно. После этого мир восстановился, и полинезийцы снова вернулись к работе на берегу. На утро пятого дня ветер переменился и задул с северо-востока, свежо заходя в бухту. Все заранее договорились, что, как только ветер станет благоприятным, корабль выбросят на берег. Теперь Янг начал готовить «Баунти» к последнему короткому переходу.

Кристиан, ночевавший на берегу, сразу вернулся на судно. Большинство женщин-полинеziek в тот момент находились на борту, а мятежники стояли по своим местам, тихо переговариваясь. Кристиан перелез через борт, быстро оглядел палубу и направился к штурвалу.

— Лучше для нас и быть не могло, Нед, — тихо сказал он. — Никаких неприятностей?

— Пока нет, — ответил Янг. — Успеем посадить её на берег, прежде чем Миллс сообщит, что к чему. Мартина я до последней минуты держал при себе на корме.

Кристиан крикнул людям на носу:

— Приготовиться обстенить фор-стенё-стаксель!

— Есть, сэр!

— Выбирать якоря!

Матросы у шпилья налегли изо всех сил; загорелые спины блестели от пота. Более сильные женщины помогали им, другие полезли наверх отдавать фор-марсель. Когда стаксель обстенили, корабль медленно развернулся, марсель наполнился ветром, якоря подняли к клюзам, и «Баунти» начал тихо двигаться к берегу. Место, выбранное для выброски корабля, находилось под высоким утёсом на левой стороне бухты — позднее его назовут мысом Высадки Корабля. Передав штурвал Янгу, Кристиан пошёл на нос, чтобы руководить движением. Для всех на борту это был тяжёлый момент. Мужчины и женщины выстроились у фальшбортов, глядя вперёд на быстро сокращавшуюся полосу воды. Мартин, Маккой и Квинтал стояли рядом у левого борта.

Мартин мрачно покачал головой.

— Запомните мои слова, товарищи. Ещё не раз пожалеет об этом дне.

Квинтал хлопнул его по спине.

— Так прыгай за борт, Айзек, и плыви обратно на Таити, если тебе туда так хочется. Я остаюсь.

— Легко тебя уговорили, Мэтт Квинтал, — ответил Мартин. — Всё к лучшему, значит? Посмотрим до конца года... Господи! Дно!

До берега оставалась ещё четверть мили, когда корабль слегка задел подводную скалу. Камень был виден сквозь воду, но лежал достаточно глубоко и только мягко царапнул корпус. Через несколько секунд «Баунти» сошёл с него. Но конец был уже близок. На прибрежной зыби судно начало раскачиваться всё сильнее. Впереди показались две едва выступавшие из воды скалы, расстояние между которыми было около четырёх саженей. Следующая большая волна стремительно понесла корабль вперёд, высоко подняла нос — и «Баунти» с тяжёлым ударом сел на камни. Удар пришёлся одновременно вниз и вперёд. Благодаря собственному ходу и напору воды корпус ещё немного проскользнул, и нос поднялся на два-три фута. По

счастливой случайности корабль застрял настолько прочно, что волны уже не могли протолкнуть его дальше.

Пена кипела вокруг корпуса; время от времени более высокая волна разбивалась под кормой и осыпала палубы брызгами. Никто не терял времени. Скалы находились примерно в тридцати ярдах от пляжа и были частично защищены от юго-восточной зыби утёсом, замыкавшим бухту с этой стороны. С носа протянули два толстых каната и закрепили их на деревьях. «Баунти» остался там, где сел, слегка накренившись на правый борт. Убедившись, что судно закреплено насколько возможно, Кристиан немедленно приказал начинать разборку. Всю следующую неделю никто не знал отдыха. Сначала сняли брам-стенги. Затем опустили стенги, после чего фок-, грот- и бизань-мачты распилили на удобные для переноски отрезки, чтобы использовать древесину на берегу.

Большинство мужчин работало на судне. Женщины, превосходные пловчихи, помогали переправлять брёвна через прибой на связанных плотках. Склон над местом высадки оказался настолько крутым, что пришлось вырезать в нём площадку и насыпать землю, чтобы складывать брёвна и доски вне досягаемости волн, пока их не удастся перенести к поселению. Все понимали, что нужно спешить, и работали с полной отдачей. К счастью, перемена ветра не стала предвестием шторма. Бриз оставался слабым, море — сравнительно спокойным. Наконец из корабля вынесли всё: каюты, шкафы, кладовые. Сняли палубные доски. Мужчины начали отрывать тяжёлые дубовые пояса обшивки. Работа почти закончилась, и им дали день отдыха.

Впервые с тех пор, как «Баунти» покинул Англию, на борту не было ни одного человека. Утром наловили много рыбы. Вместе со свежими плодами хлебного дерева, бананами и диким ямсом, найденным полинезийцами, это составило лучший обед со времени отплытия с Таити. Никогда прежде вся группа не ела вместе, и неловкость ощущали все. Кристиан и Янг пытались разрядить обстановку, но трапеза прошла почти в полном молчании. Следуя полинезийскому обычаю, женщины ждали, пока мужчины закончат, и только затем приступили к еде. Насытившись, мужчины разошлись по тени: одни уснули, другие лениво переговаривались. В начале второй половины дня Мартин, Миллс и Маккой, почти не успевшие познакомиться с островом, отправились осматривать его. Проводником вызвался Александр Смит.

Они медленно пробирались в глубь долины, с трудом продираясь через густой лес и заросли, опутанные лианами. Прошёл почти час, прежде чем они достигли хребта, откуда открывался западный склон острова. На высоте было приятно прохладно. Они уселись в тени и стали смотреть на дикую зелёную землю внизу. Не было слышно ничего, кроме их тяжёлого дыхания и тихого шелеста ветра в листьях. Миллс сидел, скрестив руки на коленях, и мрачно смотрел в густые заросли.

— Вот куда привёл нас Кристиан, — сказал он. — Всё, что видим отсюда, — вот и весь наш мир.

— Места хватает, — заметил Маккой.

— Места? — угрюмо вмешался Мартин. — Легко тебя удовлетворить. Я это место иначе как проклятой скалой не назову.

— Конечно, Таити лучше, — с насмешкой сказал Смит. — Вернулись бы туда и дождались первого английского корабля. Тебе, Айзек, видно, не терпится повисеть на верёвке. Я такого не хочу.

Маккой кивнул.

— Питкэрн, конечно, не велик, но Кристиан прав: здесь безопасно. Нас никогда не найдут.

— И здесь мы останемся до смерти! — сказал Миллс. — Вы хоть думали об этом?

Он хлопнул огрубевшими ладонями.

— Проклятие на всех нас! Какие же мы дураки, что разобрали корабль!

Маккой резко выпрямился.

— Послушай, Джон. У тебя и у Айзека была возможность остаться на Таити. Но я отлично помню: вы оба рвались уйти вместе с нами искать безопасное место. Теперь мы его нашли — и опять не нравится. А что ты собирался делать с кораблём? Втащить его на триста футов вверх по скалам? Где бы мы его держали?

— Всё так, как говорит Кристиан, — добавил Смит. — Мы уже не свободны ходить куда захотим.

— А чья в этом вина? — ответил Миллс. — Если бы он не полез не в своё дело...

— Да, — сказал Мартин. — Мы бы сейчас уже были дома или почти дома. Есть за что благодарить мистера Флетчера Кристиана!

— Я бы хотел услышать, как ты скажешь ему это в лицо, — ответил Смит. — Скоро ещё заявишь, что он нас силой втянул в мятеж. Никто не был готов захватывать корабль охотнее тебя, Айзек Мартин.

— Это правда, — сказал Маккой. — Тут Кристиану надо отдать должное. Тогда мы все были заодно.

— Да он сумасшедший. Неужели никто из вас этого не видит?

— Сумасшедший?..

— Сиди спокойно, Алекс. Так и есть. И мы все сошли с ума вместе с ним. Он с самого начала странный человек, а с тех пор, как мы взяли корабль, ему кажется, что весь мир слишком мал, чтобы спрятаться от короля.

Мартин разгорячился:

— Разговаривать он умеет — спору нет. Иначе ни один из нас не ушёл бы с Таити. Ну пришёл бы туда корабль — и что? Мы могли бы скрыться в горах. Там полно мест, где сам Господь Бог нас не нашёл бы. А если боялись этого — сели бы в большое полинезийское каноэ и ушли на Эймео или на какой-нибудь подветренный остров в сотне миль от Таити. Могли бы играть в прятки хоть с дюжиной королевских кораблей, пока им не надоест и они не уйдут домой. Потом жили бы спокойно лет десять-пятнадцать до следующего. Разве это не здравый смысл? Ну, Уилл?

— Возможно, так бы и вышло, — неуверенно ответил Маккой.

— Возможно! Чёрт побери! Я говорю о кораблях только потому, что Кристиан помещался на этих кораблях. А я готов держать пари: те, кто остался на Таити, сейчас в такой же безопасности, как и мы. Блаи никогда не доберётся до Англии, и Кристиан сам это знает.

Он презрительно фыркнул.

— Кто, кроме него, поверит, что англичане отправят корабль через половину земного шара выяснять судьбу какого-то маленького транспорта? Очень им надо! Запишут: погиб по воле Божьей — и дело с концом.

Миллс мрачно посмотрел на него.

— Так почему, чёрт тебя возьми, ты не говорил всё это Кристиану? Какой смысл болтать теперь?

— Я же сказал: мы все были сумасшедшими. Он заставил нас поверить в свои слова, и теперь всё кончено.

— Хотел бы я посмотреть на тебя с петлёй на шее, когда тебя начнут тянуть к рее, — сказал Смит. — Вот тогда ты бы не называл Кристиана сумасшедшим.

— Хватит, парни, — вмешался Маккой. — Теперь мы здесь остаёмся, и точка.

— Значит, Кристиан всегда будет получать всё, что захочет? — спросил Мартин.

— Чёрта с два! — воскликнул Миллс. — Мы больше не матросы под командой, ребята. Не забываете. Здесь наш голос такой же, как его. Он сам это обещал.

— Да успокойся ты, — сказал Маккой. — Разве не Кристиан сам это предложил? И слово своё он сдержит, мы это знаем.

— Кто говорит, что не сдержит? Я только хочу, чтобы мы помнили его обещания. Вот хотя бы ром. Он обещал нам нашу порцию, пока запас не кончится, а два дня уже ничего не давали.

Маккой криво усмехнулся.

— Проклятье, Джон, зачем напомнил?

— Как бы мы его получали, если сами работали на корабле, а бочки были на берегу? — спросил Смит.

— Мы ещё не устроились, — сказал Маккой. — Дай ему время. До вечера свою порцию получим.

— А Алекс вообще хотел, чтобы мы не пили, — заметил Миллс.

— У тебя толстая башка, Джон. Я предлагал растянуть запас на несколько лет. А если каждый будет получать матросскую норму, ничего не растянешь.

Он принялся считать:

— Сколько у нас? Две большие бочки — сто шестьдесят четыре галлона — и ещё три бочонка по пять галлонов.

— Нас всего восемь пьющих, Алекс. Браун не пьёт.

— Слава Богу за Брауна и полинезийцев, — искренне сказал Маккой. — Если бы и они любили выпить...

— Любят или нет, всё равно не получили бы, — сказал Миллс. — Мы бы за этим проследили.

Смит продолжал:

— Кристиан дал вам выбор, и все настояли на полпинты в день. Восемь человек — это три с половиной галлона в неделю. Что останется к концу года? И не забывайте: здесь нет складов Дептфорда. Когда всё кончится — кончится навсегда. И всю оставшуюся жизнь будем без рома.

— Не будем об этом думать, Алекс, — сказал Маккой. — Лучше наслаждаться тем, что есть, и благодарить Бога, что хоть это имеется. Эх, сейчас бы глоток!

Мартин хитро посмотрел на остальных.

— А что скажете, если через полчаса у нас четверых будет кое-что получше одного глотка?

Маккой резко повернул голову.

— Что ты сказал, Айзек? Как это возможно, если ром лежит в палатке Кристиана?

— А кто сказал, что обязательно ром? — с лукавой улыбкой ответил Мартин. — Бренди не устроит? Хороший старый бренди?

— Да что ты тянешь? — резко спросил Миллс. — Говори прямо. В запасах никакого бренди нет.

— А я говорил, что он в запасах?

— Слушай сюда, Айзек. Если ты лазил в аптечный сундук...

— Ничего подобного.

Мартин наклонился вперёд, уперев локти в колени.

— Несколько дней назад, когда мы ломали перегородки в каютах, я нашёл восемь бутылок бренди под койкой старого лекаря. Должно быть, припрятал для себя на случай жажды. Лежали аккуратно упакованные в парусиновом мешке.

Он ухмыльнулся.

— Я подумал: это не корабельные припасы. Кто нашёл — того и добыча. Поэтому спрятал. А прошлой ночью, когда мы сошли на берег, отнёс в надёжное место. Но жадничать я не собираюсь. Иначе бы вообще вам не рассказывал.

— Чистая правда, благослови тебя Бог! — воскликнул Маккой. — Найди я такое, наверное, оказался бы свиньёй и выпил всё тайком.

— Так и было бы, Уилл, — сказал Миллс. — Достоинств у тебя хватает, но делиться выпивкой — не одно из них. Где бренди сейчас, Айзек?

— Мы проходили совсем рядом по дороге сюда. Далеко от лагеря. Выпьем где-нибудь там, и остальные ничего не узнают.

Он посмотрел на Смита:

— Ну что, Алекс? Скажешь, что я должен отдать всё как корабельные запасы?

— Это ни к чему, — быстро вмешался Маккой.

Смит нахмурился.

— По-моему, всё это всё равно принадлежит кораблю и должно быть поделено между всеми.

— Нас трое против, — сказал Миллс.

Смит поднялся.

— Делайте как знаете. Но начинаете вы плохо. Я пойду и оставлю вас с вашим бренди.

Трое некоторое время молча смотрели ему вслед. Мартин крикнул:

— Если нас будут искать, Алекс, скажи, что мы ходим по острову и заночуем где-нибудь в лесу.

Смит обернулся, махнул рукой и вскоре исчез среди деревьев. Маккой покачал головой с восхищением.

— Упрямец, каких мало. И ведь никто не любит выпить больше него. Вот что удивительно.

— Будь бренди у нас сейчас, мы бы быстро заставили его забыть о справедливости, — сказал Мартин.

Он поднялся.

— Ну что, товарищи?

— Веди, Айзек, — нетерпеливо ответил Маккой. — Мы не отстанем.

Спустившись с хребта, они лишились прохладного ветра. Пот ручьями стекал по почти обнажённым телам, пока они пробирались через высокий папоротник в густые заросли. Наконец достигли дна долины, где воздух был влажным и прохладным. Мартин повёл их по руслу небольшого ручья. Через некоторое время он остановился и неуверенно огляделся. Маккой тревожно посмотрел на него.

— Не потерял место, Айзек?

— Где-то здесь.

— Чёрт тебя возьми, Айзек! Ты ведь знаешь, где спрятал? — раздражённо сказал Миллс. — Как выглядело место?

— Возле такого же дерева. Там была яма между корнями... Нет, чуть ниже.

Они медленно пошли дальше. Мартин внимательно смотрел по сторонам. Вдруг лицо его просияло.

— Вот оно!

Он поспешил к широкому старому гибискусу, который казался таким же древним, как сам остров. Ветви были покрыты лимонно-жёлтыми цветами. Мартин опустился на колени у ствола и по плечо засунул руку между искривлёнными корнями. Глаза его спутников заблестели, когда он стал доставать бутылки одну за другой. Восемь штук. Он сел на пятки и торжественно посмотрел вверх.

— Бог тебя любит, Айзек! — почти благоговейно сказал Маккой.

— И это лучший бренди старого лекаря, запомните! Только где будем пить? Здесь неудобно.

Мартин и Маккой взяли по три бутылки, Миллс — две. Они прошли вниз по долине ещё яров пятьдесят и вышли на небольшую поляну, покрытую папоротником и пятнами света и тени. Ручей здесь изгибался, а в углублении у противоположного берега образовался тихий

водоём шириной в два-три ярда. Все с довольным ворчанием уселись. Мартин вытащил из-за пояса тяжёлый складной нож и одним точным ударом сбил горлышко бутылки.

— Не обязательно было так торопиться, — заметил Маккой. — Бутылки здесь ещё пригодятся.

Мартин сделал большой глоток.

— Когда выгружали спиртовой склад, пустых бутылок на берег вынесли не меньше пятнадцати дюжин. Не пропадём.

Остальные тоже не заставили себя ждать. Маккой аккуратно заткнул пробкой свою бутылку и прислонил её к дереву.

— Айзек, никогда тебе этого не забуду. Мне даже стыдно думать, что, найди бренди я, наверное, не сумел бы так поделиться.

— Пей от души, Уилл. На всех хватит. Я к концу второй бутылки уже ничего видеть не буду.

— Спешить некуда, и в этом счастье, — ответил Маккой. — Вся ночь впереди. И вода рядом — если понадобится немного протрезветь.

— Хорошо, что с нами нет Мэтта Квинтала, — сказал Миллс.

— Это точно, — ответил Мартин. — Трезвый он хороший товарищ, но спаси Господь, если переберёт.

Маккой кивнул.

— Хуже беса. Помните, как он разгромил трактир «Три мавра» за неделю до нашего ухода из Портсмута? Пятеро едва справились.

— Помню? — сказал Миллс. — На мне до сих пор следы...

Он вдруг поднял голову.

— Что это такое?

Через листву дерева, под которым они сидели, сверху опустился крошечный букетик цветов и папоротника, привязанный к тонкой полоске коры. Он несколько мгновений покачался прямо перед носом Миллса, а затем резко взлетел обратно. Сверху послышался тихий смех. Все подняли головы и увидели среди зелёных листьев маленькое, почти эльфийское лицо.

— Да это твоя девчонка, Миллс! Будь я проклят! — сказал Мартин.

Грубое лицо Миллса смягчилось.

— Так и есть. Вылезай оттуда, маленькая ведьма! Что ты здесь делаешь?

Девушка спустилась на нижнюю ветку и уселась там вне досягаемости, улыбаясь им сверху.

— Она у меня любит бродить по лесам и горам, — с нежностью сказал Миллс.

Он протянул руки.

— Прыгай, озорница!

Девушка прыгнула, и он поймал её. На ней была короткая юбка из тапы до колен; густые волосы волнами падали на обнажённые плечи и грудь. Миллс отстранил её на вытянутых руках и с удовольствием посмотрел.

— Правда твоя, Джон, — сказал Мартин. — Настоящая маленькая ведьма.

— Да, — добавил Маккой. — У тебя самая хорошенькая девчонка из всех. Даже удивительно, что она бросила родных и ушла с таким мрачным старым пнём, как ты.

Миллс провёл огромной грубой рукой по её волосам.

— Одно можешь признать, Уилл: ты не видел, чтобы она плакала по Таити, как некоторые другие.

— Это правда, — сказал Маккой. — Кажется вполне довольной.

— Хотел бы я сказать то же о моей Сюзанне, — мрачно заметил Мартин. — Уйти она согласилась охотно, а теперь мы здесь — и её только домой тянет. С тех пор как посадили корабль на берег, никакой радости от неё.

— Это естественно, Айзек, — ответил Маккой. — Моя такая же. Дай им время, привыкнут. Вот девчонка Миллса научит остальных жить как надо. Правда, Пруденс?

Девушка улыбнулась, показав маленькие белые зубы.

— Как ты вообще с ней разговариваешь, Джон? — спросил Мартин. — Из всех нас ты хуже всех знаешь их язык. На пальцах объясняешься?

— Не твоё дело, — грубо ответил Миллс. — Мне незачем учить их языческую тарабарщину. Пруденс английский схватывает, как голубь зерно клюёт.

— Станные они, эти полинезийские женщины, — сказал Мартин. — Почему они так упираются насчёт приготовления еды?

— По их языческим обычаям нельзя, — ответил Маккой. — Янг объяснял. Полинезийские мужчины не хотят, чтобы женщины возились с их пищей. Против религии.

— Моя быстро отучится от таких глупостей, когда устроимся, — сказал Мартин. — Будет делать то, что я скажу.

— Не обязательно выбивать это из них силой, Айзек. Со временем сами привыкнут.

— Да, дай срок — станут жить по-нашему, — сказал Миллс. — Нельзя ожидать всего сразу.

— И мужчины тоже привыкнут, если хотят жить спокойно.

— Осторожнее с этим, Айзек, — сказал Маккой. — Иначе однажды устроим такую драку, что мало не покажется. С Минари и Тетахити лучше не шутить.

— Правда? — мрачно сказал Миллс. — Пусть сразу поймут, кто здесь хозяин.

— Кристиан и Янг обращаются с ними так, будто они нам ровня, — заметил Мартин.

— С тремя из них можно делать что захотим, а вот с остальными лучше быть осторожнее, — сказал Маккой.

Он повернулся к Миллсу:

— Девушка понимает, о чём мы говорим?

— Ещё не настолько. Пруденс, споёшь нам песню?

Она засмеялась и покачала головой.

— Мне кажется, она понимает больше, чем показывает, — сказал Мартин.

— Я одну песню её учу, — с гордостью продолжал Миллс. — Ну давай, девочка:

Мы легли в дрейф, когда юго-западный ветер дул, ребята,

Мы легли в дрейф, чтобы глубину промерить...

— Помнишь? Ну, спой, умница.

После долгих уговоров девушка запела мягким чистым голосом, странно произнося английские слова, чем привела мужчин в восторг. Когда она остановилась, все громко зааплодировали.

— Чёрт побери, а ведь красиво! — сказал Мартин. — Дай ей глоток бренди. Лучшее средство для голоса.

— Попробуешь, милая? — спросил Миллс, протягивая бутылку.

Пруденс покачала головой.

— Не любит, — объяснил он. — И я не заставлял.

— И правильно, — сказал Маккой. — И так мало на нас. Если женщины тоже начнут пить, скоро останемся без рома.

— Что за женщина, если не выпьет с мужчиной? — сказал Мартин. — Не по-матросски. Дай ей глоток.

— Может, ты и прав, Айзек, — сказал Миллс. — На гулянке это действительно странно. Ну, девочка, совсем чуть-чуть.

Он обнял её за плечи и поднёс бутылку к губам. Под давлением она закрыла глаза и сделала два-три решительных глотка. Тут же закашлялась, зафыркала, оттолкнула бутылку и побежала к ручью. Трое мужчин громко расхохотались.

— Представить бы девку из портового кабака дома, которая так морщится от хорошего бренди, — сказал Мартин.

— Моя старуха могла бы полпинты выпить в два счёта и глазом не моргнуть, — сказал Маккой.

Он на мгновение задумался.

— Забавно. Кажется, за весь последний год я о ней и двух раз не вспоминал.

— Вы были женаты, Уилл?

— Конечно. Всё как положено. И нравилась она мне.

— Если я знаю женщин, она сейчас точно не спит одна, — сказал Миллс.

— Наверняка давно сорвалась с якоря, — ответил Маккой и поднял бутылку. — Ну что ж, выпьем за её счастье, где бы она ни была.

Пруденс вернулась от ручья и снова уселась рядом с Миллсом.

— Ну как, девочка?

Она рассмеялась, показала на бутылку и сказала:

— Ещё.

— Вот это женщина, Джон! — восхищённо сказал Мартин. — Дай ей время — будет пить как настоящий матрос. Только воды потом дать.

Миллс гордо улыбнулся.

— Ничего, привыкнет. На, милая, пей от души.

— Эй, товарищи!

Трое резко обернулись. Позади стоял Квинтал.

— Господи, сам Мэтт, — тревожно сказал Маккой.

— Иди к нам, Мэтт, — попытался бодро сказать Мартин. — Как раз о тебе говорили.

Квинтал присел на корточки, положил огромные руки на колени и обвиняюще ухмыльнулся.

— Не сомневаюсь. И небось весь остров меня искали. Где взяли всё это?

— Не твоё дело, Мэтт. Мы ничего не украли. Частный запас. Хочешь попробовать?

Квинтал с тоской посмотрел на бутылку.

— Ты прекрасно знаешь, что хочу. Нет, не уговаривай, Айзек. Мне лучше не начинать.

— Это разумно, — сказал Маккой. — Ты знаешь свою слабость. Мы не станем хуже о тебе думать, если воздержись.

Квинтал сел в папоротник, прислонившись спиной к дереву.

— Пейте дальше, — сказал он. — А это что, Миллс? Девчонка, что ли, уже гуляет?

— Первый раз пробует, — ответил Миллс. — Быстро полюбила бренди. Где Джек Уильямс?

— Уже часа два его не видел.

— Один он точно не ходит, где бы ни был. И не с Фасто, небось.

— Да, он совсем потерял голову из-за этой... как её? Хутиа?

— Почему не держится своей женщины? — проворчал Миллс.

— А зачем? — спросил Мартин. — Я и сам хочу прогуляться с Хутиа, когда окончательно устроимся.

— Ты только дай тебе волю, Айзек, и беда обеспечена, — сказал Квинтал. — Полинезийцы умеют играть в такие игры не хуже нас. Я согласен с Джоном: каждый пусть держится своей.

— Именно! — поддержал Маккой. — Если начнётся вражда между нами и полинезийцами, тут будет настоящий ад. У нас есть возможность жить тихо и спокойно. Надо её беречь.

— А как долго полинезийцы сами будут соблюдать этот мир? — спросил Мартин. — Трое из них без женщин. Скоро начнут заглядываться на наших.

— К моей пусть только попробуют, — сказал Миллс.

— Да что ты, Джон? Она как раз будет одной из первых. Готов спорить, кто-нибудь из них уже был с ней.

Миллс мгновенно вскочил на колени, схватил Мартина за плечи и с силой встряхнул.

— Что ты сказал, дьявол? Говори, если видел! Кто? Или я тебя задушу!

— Отпусти, Джон! Ради Бога! Я ничего не видел. Просто пошутил.

Миллс долго смотрел на него с подозрением, но остальные подтвердили слова Мартина, и он наконец отпустил его и сел на место.

— Кристиан снова ушёл на корабль, — сказал Квинтал. — Вместе с Янгом.

— Тогда можно спокойно отдыхать, — с облегчением сказал Маккой.

Он повернулся к Пруденс.

— Потанцуешь нам?

Потом посмотрел на Миллса.

— Ты не против, Джон? На неё приятно смотреть.

— А почему он должен быть против? — вмешался Мартин. — Ну же, Пруденс, вставай!

Бренди уже ударил девушке в голову, и уговаривать долго не пришлось. Мужчины хорошо знали быстрый ритм хлопков по коленям, под который полинезийские женщины танцевали свои танцы. Пруденс танцевала смело и свободно, с естественной раскованностью молодой островитянки. По очереди останавливалась перед каждым мужчиной, упирала тонкие руки в бока и с вызывающей улыбкой заглядывала в глаза, выполняя всё более провокационные движения. Вдруг она звонко рассмеялась и убежала в заросли. Мужчины громко зааплодировали.

— Вернись, маленькая бесовка! — крикнул Мартин. — Продолжай!

— Конечно, — сказал Маккой. — Джон, я готов в любой день поменяться с тобой женщинами.

— Держи свою, — грубо рассмеялся Миллс. — Меня моя вполне устраивает. Вернись, озорница! Мы ещё не закончили.

Девушка немного пококетничала, изображая нежелание, затем подбежала к Миллсу, выхватила у него бутылку и снова выпила. Квинтал смотрел на неё почти заворожённо, нервно сжимая и разжимая огромные волосатые руки. Остальные к этому времени уже вошли в приятную первую стадию опьянения.

— Мэтт Квинтал, — воскликнул Мартин, — я не позволю мужчине сидеть среди нас с сухим горлом. Ты умираешь от желания выпить. На, глотни.

Он протянул бутылку. Квинтал принял её нерешительно.

— Спасибо, Айзек. Один глоток — и всё.

Глоток оказался большим. Потом последовал второй, третий — Миллс и Мартин охотно подливали. Через несколько минут Квинтал протянул руку и схватил наполовину пустую бутылку, стоящую рядом с Маккеем.

— Чёрт тебя побери, Мэтт! — тревожно воскликнул тот. — Полегче. У нас всего восемь бутылок на всех.

Квинтал одной рукой оттолкнул его и продолжил пить.

— Жалко для меня, свинья? У тебя рядом ещё полная бутылка. Могу взять её, если так легче.

— Да не жалко мне, но в этой бутылке уже достаточно, чтобы ты обезумел, а ты сам это знаешь.

— Да, — сказал Миллс. — Пей медленно, Мэтт. И водой разбавляй. Тогда хватит на всю ночь.

День клонился к вечеру. Тень высокого западного хребта уже накрыла поляну. Мужчины пили, развалившись в траве. Теперь Пруденс уже не требовалось уговаривать танцевать. Мартин, Квинтал и Маккой хлопали по коленям и подбадривали её, пока движения девушки становились всё более вызывающими. Лицо Миллса, напротив, становилось всё мрачнее.

— Хватит, — наконец сказал он. — Иди обратно к остальным.

Но девушка только рассмеялась. Будто нарочно желая разозлить его, она прошла мимо Миллса, даже не взглянув, и начала танцевать перед Квинталом, глядя ему прямо в глаза с тягучей улыбкой. Внезапно Квинтал схватил её за руку, усадил к себе на колени и стиснул огромными руками, грубо целуя. Миллс вскочил.

— Отпусти её, чёрт тебя возьми! Отпусти, говорю!

Девушка, немного протрезвев от испуга, начала вырываться, но Квинтал держал крепко. Он пьяно ухмыльнулся Миллсу.

— Она знает, кто здесь настоящий мужчина, правда, девка?

Прижав её руки к телу, он снова стал целовать. Миллс шагнул вперёд. Квинтал успел подняться как раз в тот момент, когда мощный удар Миллса пришёлся ему в лицо. Из носа хлынула кровь. Квинтал отшатнулся, но сразу пришёл в себя. В близко посаженных голубых глазах вспыхнул безумный огонёк. Он отшвырнул девушку и сжал огромные кулаки.

— Проклятый ублюдок! Я тебя убью!

Удар в грудь отбросил Миллса на землю, но тот мгновенно вскочил и снова бросился вперёд, обхватив Квинтала за пояс. Маккой и Мартин тоже поднялись, встревоженно наблюдая за дракой.

— Хватит, парни! — крикнул Маккой. — Мэтт, подумай, что делаешь!

Квинтал, бешено вращая глазами, резко развернулся и ударил Маккоя тыльной стороной руки. Тот рухнул на землю. При всей силе Миллс не мог тягаться с более молодым Квинталом. Через мгновение тот уже сидел у него на груди, прижав коленом, и сдавливал пальцами горло. Глаза Миллса полезли из орбит, язык высунулся изо рта.

— Он его убьёт! Айзек, помогай! — закричал Маккой.

Оба бросились на Квинтала сзади, изо всех сил пытаясь оттащить его. Квинтал отпустил одну руку, схватил Мартина за предплечье и так выкрутил его, что тот вскрикнул от боли. Давление на горло Миллса ослабло. Тот сделал отчаянный рывок, и с помощью остальных им удалось опрокинуть Квинтала набок. Все трое навалились на него, но даже вместе едва удерживали. Квинтал вырвал ноги из захвата Миллса и начал подниматься, таща на себе троих мужчин.

— Слава Богу! Алекс! — тяжело дыша, закричал Маккой. — Быстрее!

Прежде чем Квинтал успел повернуть голову, на него сверху навалился мощный Смит. Теперь силы были неравны. Квинтал бился как одержимый, но вскоре лежал беспомощно, тяжело дыша. Лицо было залито потом и кровью, глаза безумно сверкали.

— Сдаёшься, дьявол? — спросил Смит.

Квинтал взревел и снова начал вырываться. Четверым потребовалась вся сила, чтобы удержать его.

— Есть у кого-нибудь верёвка? — тяжело дыша, спросил Смит. — Надо связать.

— Пруденс! — крикнул Миллс. — Принеси кору пурау!

Девушка, в ужасе наблюдавшая за дракой, сразу поняла. Она подбежала к ближайшему гибискусу, зубами надорвала прочную гладкую кору на низкой ветке и быстро содрала длинные полосы. После долгой борьбы четверым удалось связать Квинтала по рукам и ногам. Вскоре его глаза закрылись, и он провалился в тяжёлый сон.

— Ты вовремя пришёл, Алекс, — слабым голосом сказал Маккой. — Он бы всех троих прикончил.

Потом добавил:

— Ты ведь не расскажешь, что видел нас здесь? Теперь, когда Мэтт спит, мы можем спокойно допить.

— Меня послали вас искать, — ответил Смит. — Мистер Кристиан решил сжечь корабль. Хотите — оставайтесь. Хотите — идите смотреть. Но он хотел, чтобы вы знали.

- Пусть горит к чёрту, — сказал Миллс.
— Он считает, что оставшаяся древесина уже не стоит труда по разборке.
— Я мог сказать ему это три дня назад, — заметил Мартин.
Он поднял бутылку.
— Алекс! У нас ещё много бренди. Оставайся и выпей с нами.
Смит стоял, нерешительно глядя на них. Потом вдруг бросился на землю рядом.
— А и останусь, Айзек!
Он схватил бутылку.
— Свины мы, что пьём тайком. Но к чёрту всё!

Сумерки сгущались. Квинтал громко храпел. Мартин достиг той стадии опьянения, когда человек становится сентиментальным и жалким. Он вспомнил дом и, то обращаясь к товарищам, то разговаривая сам с собой, плакал и проклинал Кристиана и судьбу, навеки бросившую их на скале посреди океана. Смит и Маккой некоторое время пытались его успокоить, но потом махнули рукой. Миллс пил молча. Чем сильнее он пьянел, тем угрюмее и молчаливее становился. Пруденс спала, положив голову ему на колени.

— Удивительный ты человек, Уилл, — говорил Смит. — Наверное, выпил вдвое больше Мартина, а по речи и не скажешь.

— У меня хороший шотландский желудок и крепкая шотландская голова, — ответил Маккой. — Хочешь увидеть настоящего пьющего человека — езжай к северу от Твида. Там у нас даже мальчишки могут перепить лучших английских пьяниц, потом уйти домой к матерям и утром ничего не вспомнить.

Смит усмехнулся.

— Великий народ, нечего сказать.

— И мы это знаем. Но что до сожжения корабля...

— Кристиан сейчас на борту вместе с Янгом и Джеком Уильямсом. Скоро подожгут.

Через некоторое время из-за прибрежных утёсов на востоке в небо поднялось слабое красноватое сияние. Оно становилось всё ярче и ярче, пока свет не проник даже туда, где они сидели. Смит поднялся.

— Пойдём посмотрим на неё в последний раз, Уилл. Я развяжу Мэтта — теперь он уже никому не опасен.

Он посмотрел на Миллса.

— Ты что, Джон? Останешься или пойдёшь?

Миллс поднялся и взял Пруденс на руки.

— Идите через палатки. Я оставлю её там.

Мартин спал. Маккой поднял стоявшую рядом с ним бутылку и посмотрел на свет.

— У Айзека ещё прилично осталось.

— Оставь, — грубо сказал Миллс. — Его же.

— А безопасно ли? Мэтт проснётся...

— Может проснуться. Отличная шотландская причина, — сказал Смит. — Передавай по кругу, Уилл.

Они допили бутылку, оставили пустую рядом с Мартином и медленно пошли вниз по долине. Смит шёл первым. У палаток никого не было. Миллс оставил там Пруденс, и мужчины двинулись по грубо расчищенной тропе к месту над бухтой, откуда открывался вид на берег. Корабль пылал. Высокие языки огня и снопы искр взлетали в ночное небо. В красном зареве было хорошо видно остальных людей с «Баунти», сидевших среди камней на узкой полоске берега. Маккой долго смотрел вниз.

— Хороший костёр получился, — мрачно сказал он.

— Да, — ответил Смит.

После этого они молчали.

Глава IV

Теперь они ещё острее почувствовали, насколько далеко оказались от всего человеческого мира. Пустое море окружало их со всех сторон, а «Баунти», сторевавший до ватерлинии, но всё ещё лежавший там, куда его выбросили на скалы, служил для каждого немой напоминающей о бесповоротности их судьбы. Некоторые белые особенно тяжело переносили вид почерневшего остова, который захлёстывали волны. В нём было что-то мрачно притягательное. По вечерам, закончив работу, мужчины приходили по одному или группами по двое-трое на площадку над бухтой и сидели там до тех пор, пока последний свет не исчезал с неба, глядя вниз на всё, что осталось от корабля, словно до сих пор не могли поверить, что потеряли его навсегда.

Среди мятежников сильнее всех судьба, выпавшая им, действовала на Брауна. Это был невысокий застенчивый мужчина лет тридцати, с тихим голосом и мягкими манерами, резко отличавшими его от некоторых товарищей, которых случай заставил стать его спутниками. Как ни странно, именно эта мягкость характера и неспособность быстро принимать самостоятельные решения привели его в их компанию. На «Баунти» он служил помощником мистера Нельсона, ботаника экспедиции, и провёл пять счастливых месяцев на Таити, изучая флору острова, собирая молодые хлебные деревья и ухаживая за ними. Утром в день мятежа Мартин вырвал его из сна, сунул в руки мушкет и приказал выйти на палубу. Браун стоял там с оружием посреди суматохи, совершенно не понимая происходящего, потрясённый тем, что невольно оказался участником, и неспособный что-либо предпринять, пока возможность сделать выбор не исчезла.

Позже, обнаружив Брауна среди своих людей, Кристиан был одновременно удивлён и огорчён. Брауну же поневоле пришлось перенести на Кристиана ту зависимость и потребность в защите, которые прежде он испытывал по отношению к своему начальнику, мистеру Нельсону. О кораблях и море Браун почти ничего не знал, зато обладал глубокими познаниями в почвах и растениях. Любовь к природе хоть немного помогала ему переносить часы мучительной тоски по дому. Но страдал от неё он не больше, чем многие женщины. Им не хватало привычной многолюдности Таити, веселья общей жизни, тихих лагун, которые ночью освещались бесчисленными факелами рыбаков, прозрачных горных рек, полноводных и прохладных, где они купались вечерами.

Они тосковали по друзьям и родным, которых, как теперь понимали, никогда больше не увидят; по детским голосам; по власти древних обычаев, определявших жизнь поколение за поколение. Условия на этом высоком острове, окружённом скалами, были для них так же чужды, как и привычки их белых мужчин. Тишина и одиночество внушали им страх. Лишь две женщины в какой-то мере избежали общего чувства заброшенности. Одной была молодая девушка, которую взял себе Миллс и которую он, сам того не сознавая, с некоторой иронией назвал Пруденс. Другой была Дженни, спутница Брауна. Дженни была стройной, подвижной и смелой женщиной, ровесницей Брауна, и обладала всей той силой характера, которой ему не доставало. Она была старшей среди женщин, однако происходила из низшего слоя таитянского общества и, несмотря на свою решительность, сохраняла по отношению к Маймити и Тауруа — спутницам Кристиана и Янга — то почтение, которого требовало их происхождение.

То же уважение она проявляла к Моэтуа, поскольку та также принадлежала к роду вождей, а её муж Минари был влиятельным человеком на Таити. Постепенно чувство одиночества, сначала общее для всех, уступило место более бодрому настроению. Мужчины и женщины с усердием взялись за работу. Участок земли рядом с временным лагерем выбрали под первый огород. Почти целую неделю большая часть общины расчищала и засаживала землю. Закончив, огород передали Брауну и нескольким женщинам, а остальные под руководством Кристиана занялись строительством домов. Место для постоянного поселения выбрали у под-

ножия горы, которую называли Козым Пиком, немного восточнее узкой долины, западной стеной которой служила сама гора.

То ли случайно, то ли по взаимной договорённости они уже разделились на отдельные хозяйства. Все, кроме Брауна и Дженни, пожелавших жить глубже в острове, выбрали места для домов на обращённом к морю склоне главной долины. Дом Кристиана строился ниже огромного баньяна, где он и Маймити отдыхали в день первой высадки. Второе хозяйство составляли Янг и Александр Смит со своими женщинами — Тауруа и Балхади. Третье — Миллс, Мартин и Уильямс вместе с Пруденс, Сюзанной и Фасто. Четвёртое — Квинтал и Маккой с Сарой и Мэри. Пятое составляли полинезийские мужчины. Их хозяйство было самым большим — девять человек: Минари, Тетахити, Тарару, Те Моа, Нихау и Ху, а также жёны первых трёх — Моэтуа, Нанаи и Хутиа.

Те Моа, Нихау и Ху были тремя мужчинами, оставшимися без женщин. Все белые, кроме Брауна, строили деревянные дома, используя частью материалы с «Баунти», частью местную древесину. Крыши собирались покрыть листьями пандануса. Жилище полинезийцев располагалось на поляне примерно в четверти мили от бухты «Баунти», в глубине острова. Ближе всех к месту высадки жили Квинтал и Маккой. Дома остальных мятежников стояли ближе друг к другу, но густой лес скрывал их один от другого. Полинезийским мужчинам, которым помогали самые сильные женщины, поручили переносить припасы к поселению, пока белые строили для них склад. С общего согласия, хотя некоторые дали его крайне неохотно, Кристиан взял все запасы под личный контроль и постоянно носил ключи от склада при себе.

Управлял он маленькой колонией строго, но справедливо, предоставляя и белым, и полинезийцам полную свободу в личных делах, пока они не нарушали общий мир. Работу поделили поровну. Уильямс трудился в кузнице, а полинезиец Ху помогал ему. Миллс и Александр Смит отвечали за пиловую яму. Квинтал и Маккой занимались животными: возле поселения они строили загон для части птицы и свиноматок с поросятами. Брауна освободили от всякой другой работы, чтобы он мог полностью заниматься садами и огородами. Полинезийцев использовали там, где возникала необходимость. В первые месяцы именно они ловили рыбу для всей общины и разыскивали дикорастущие съедобные растения: бананы, таро, свечные орехи для освещения и всё прочее, что мог дать остров.

Кристиан и Янг наблюдали за всеми работами и сами служили примером, трудясь с рассвета до темноты, делая лишь короткие перерывы на еду. Женщинам тоже хватало дела. Пока строились дома, они собирали и готовили листья пандануса для кровли. Сначала листья вымачивали в море, затем разглаживали и выпрямляли, срезали длинные колючие края, после чего складывали вокруг лёгких четырёхфутовых отрезков расщеплённого тростника и закрепляли тонкими жилками из пальмовых листьев. Для крыши одного дома требовалось около двух тысяч таких связок, называвшихся рауфара, и каждая удерживала примерно сорок листьев пандануса. С самого начала Кристиан объявил воскресенье днём отдыха — по крайней мере от общих работ.

Ни он, ни Янг не отличались особой религиозностью, а остальные белые — тем более. Поэтому никаких богослужений не проводили, и каждый распоряжался днём как хотел.

В один из воскресных дней в конце февраля, ближе к вечеру, Кристиан и Янг поднялись на хребет, соединявший две самые высокие вершины острова. Отсюда открывался величественный вид. На востоке раскинулась главная долина. На противоположной стороне земля резко уходила вниз, изрезанная ущельями и обрывами, тянувшимися к морю. После недавних сильных дождей по скальным стенам текли небольшие водопады; местами вода, срываясь с уступов, изгибалась в воздухе, прежде чем упасть ниже. Как ни мал был остров, с этой высоты он казался суровым и величественным. Густые зелёные заросли на пологих склонах сияли в

лучах клонившегося к закату солнца, подчёркивая мрачную торжественность узких долин, уже наполнявшихся тенью, и голых отвесных скал, нависавших над ними.

Такой вид поразил бы человека даже в самом оживлённом из морей. Здесь же он производил куда более сильное впечатление, потому что огромная поверхность океана, казавшаяся спускающейся от горизонта к острову, оставалась пустой месяц за месяцем, год за годом. В этом месте хребет был шириной едва в два шага. Кристиан сел на камень, нависавший над горной стеной. Янг растянулся рядом в низком папоротнике. Морские птицы начинали возвращаться после дневной рыбной ловли далеко в океане. По мере того как тени удлинялись, птиц становилось всё больше — уже бесчисленные тысячи кружили высоко в воздухе, и их крылья вспыхивали золотым светом. Друзья долго молчали, слушая слабые крики птиц и грохот прибоя у подножия утёсов почти в тысяче футов внизу.

Одиночество изменило обоих — каждого по-своему. Они прожили на острове совсем недолго, но ощущение полной и окончательной оторванности от всего, что составляло их прежнюю жизнь, пришло очень быстро и уже стало естественной частью существования. Первым заговорил Кристиан.

— Одинокий звук, Нед, — сказал он наконец. — Иногда я люблю его. Но бывают минуты, когда мысль о том, что мне никогда от него не избавиться, почти сводит меня с ума.

Янг повернул голову.

— Шум прибоя?

— Да.

— А я уже перестал замечать его сознательно. Для меня он стал частью здешней тишины.

— Хотел бы я сказать то же самое. У тебя есть качество, которым я очень восхищаюсь. Как его назвать? Может быть, внутренняя тишина. Такое не приобретают. Наверное, оно было у тебя всегда.

Янг улыбнулся.

— Вам действительно кажется это таким ценным качеством?

— Бесценным! — серьёзно ответил Кристиан. — Я не раз наблюдал за тобой, когда ты этого не замечал. Думаю, ты способен часами сидеть, не думая ни о прошлом, ни о будущем, просто наслаждаясь красотой каждого проходящего мгновения. Чего бы я не отдал за такой спокойный дух!

— А я много раз завидовал вам именно потому, что вы — полная противоположность моей тихости, как вы это называете. Во мне слишком мало человека действия. Когда я думаю, какой жалкий из меня здесь помощник...

— Жалкий помощник? Господи, Нед, что бы я делал без тебя?

Он замолчал и слегка улыбнулся.

— Хватит. Ещё рано нам начинать рассыпаться друг перед другом в комплиментах.

Некоторое время они снова молчали. Затем Кристиан сказал:

— Есть один вопрос, который я давно хотел тебе задать. Скажи совершенно откровенно... Как ты думаешь, возможно ли, что Блай и его люди выжили?

Янг быстро взглянул на него.

— Я ждал этого вопроса. Сам не считал себя вправе начинать разговор, хотя не раз хотелось.

— И что ты думаешь?

— Думаю, есть основания полагать, что они спаслись.

Кристиан резко повернулся к нему.

— Скажи ещё раз, Нед! Заставь меня поверить!

Но тут же замолчал.

— Нет... Что я прошу? Девятнадцать человек, без оружия, почти без еды и воды, набитые в шлюпку так, что она едва держалась на воде, — и пройти тысячу двести лиг? Через архипелаги, населённые дикарями, которые с радостью убили бы их при первой встрече? Невозможно.

— Не невозможно, если вспомнить, кто ими командует, — спокойно ответил Янг. — Не забывайте его почти невероятное мастерство навигатора, знание моря, феноменальную память. Думаю, нет ни одного известного острова в Тихом океане, даже крошечного, широту и долготу которого он не держал бы в голове.

Янг помолчал.

— И главное, Кристиан, его упрямая, несокрушимая воля. Что бы мы ни думали о Блае как о человеке, нельзя отрицать: если под ним есть судно, пусть даже одна шлюпка, как моряк он выше всяких похвал.

— Это правда. Признаю без оговорок.

Кристиан оживился.

— Боже мой! Возможно, ты прав! Если кто и способен на такое, то Блай. Какой это был бы подвиг!

— И вполне возможно, что он уже совершён, — ответил Янг. — Нельсон, Фрайер, Коул, Ледуорд и остальные, быть может, сейчас уже приближаются к Англии, пока мы здесь о них говорим. Восточные ветры были бы у них почти на всём пути. Возможно, они успели добраться до Голландской Ост-Индии и уйти домой с октябрьским флотом.

— Да... такое возможно. Если бы только знать наверняка.

— Постарайтесь думать именно так, — серьёзно сказал Янг. — Я очень прошу вас, Кристиан: перестаньте мучить себя этим. У вас нет оснований считать их погибшими. Поверьте, нет.

Он продолжил:

— И я говорю это не для утешения. Это моё обдуманное мнение. Шлюпка, как вы знаете, была отличной морской лодкой. Вспомните, сколько раз мы сами ходили на ней в разную погоду.

— Знаю...

— И ещё одно. Между островами Дружбы и голландскими владениями лежит множество архипелагов. Нет ничего невероятного в том, что Блай мог высаживаться в разных местах, пополнять запасы воды и пищи. Сколько маленьких необитаемых островов мы сами видели, где шлюпка могла бы стоять дни и даже недели, не замеченная местными жителями?

Янг замолчал и тревожно посмотрел на товарища. Кристиан повернулся и положил руку ему на плечо.

— Хватит, Нед. Мне уже стало легче просто оттого, что мы наконец поговорили об этом. Что бы там ни произошло, изменить мы уже ничего не можем.

— А если Блай доберётся домой?

Кристиан горько улыбнулся.

— Тогда начнётся такая охота, какой Англия не знала сто лет. Старого мерзавца хотя бы на время поставят рядом с Дрейком.

Он помолчал.

— А что скажут обо мне...

Кристиан резко закрыл лицо ладонями и несколько мгновений сидел так, затем снова повернулся к Янгу.

— Странно подумать, Нед: мы с тобой можем дожить здесь до глубокой старости, а вокруг будут расти наши дети и внуки. Нас никогда не найдут. Я почти уверен.

Янг улыбнулся.

— Какая странная колония будет здесь через пятьдесят лет. Какая смесь кровей!

— И языков тоже. Уже сейчас у нас будто возникает собственная речь — наполовину английская, наполовину полинезийская.

— Думаю, в итоге английский победит, — сказал Янг. — Миллс, Квинтал и Уильямс немного говорят по-полинезийски, но хорошо этот язык уже никогда не выучат. Зато интересно наблюдать, как быстро некоторые женщины осваивают английский. Женщина Брауна и девушка Миллса уже сейчас говорят удивительно свободно.

— А тебе случается думать по-таитянски?

— Часто. Остров переделывает нас ничуть не меньше, чем полинезийцев.

Через некоторое время Кристиан сказал:

— Знаешь, Нед, я действительно начинаю надеяться на будущее. Люди удивительно хорошо приспосабливаются к здешней жизни. Ты не находишь?

— Нахожу.

— Если нам удастся постоянно держать их занятыми...

Он задумался.

— Пока опасности почти нет. Она появится позже — когда закончим строить дома и устроимся окончательно.

— Не будем забегать вперёд.

— Да, заранее беду звать не стоит. Но быть готовыми надо. Ты замечал какую-нибудь вражду между нами и полинезийскими мужчинами?

— Ничего серьёзного. По крайней мере после того дня, когда Мартин бросил их священные камни в море.

Лицо Кристиана потемнело.

— Вот за кем надо следить. Он трус и задира. Самый ничтожный полинезиец Южных морей стоит больше него. Мартин будет пользоваться своей белой кожей настолько, насколько ему позволят.

— Не только он, — сказал Янг. — Миллс и Квинтал смотрят на полинезийцев примерно так же.

— Но в тех двоих есть хоть какое-то человеческое достоинство. У Мартина его нет.

Кристиан продолжил:

— Я объяснил Минари и Тетахити, что за человек Мартин. Рассказал, что в белом обществе он принадлежит к такому слою, который стоит ниже слуг среди полинезийцев.

— Они поняли?

— Конечно. Думаю, они и сами это знали ещё до моих слов.

Янг кивнул.

— С Минари или Тетахити он связываться не рискнёт. Скорее будет издеваться над Ху, Тарару или Те Моа, если сможет.

— И над своей женщиной, Сюзанной, — добавил Кристиан. — Мне искренне жаль эту девушку. Не сомневаюсь, Мартин делает её жизнь невыносимой сотней мелких жестокостей.

Он поднялся.

— Пора спускаться, Нед. Скоро стемнеет.

Они сошли с крутого хребта на более пологие склоны и медленно пошли вниз, обходя густые заросли пандануса и рата. Иногда приходилось пересекать поляны, над которыми переплетённые высоко вверху ветви полностью перекрывали слабый свет заката, и под деревьями уже царила почти ночная темнота. Одну такую поляну в тот день посетили ещё двое людей с «Баунти». Кристиан и Янг едва успели скрыться, когда густые папоротники в стороне раздвинулись и Хутиа выглянула им вслед. Это была красивая девятнадцатилетняя девушка с длинной толстой косой до колен. В полумраке она стояла легко и настороженно, как готовая сорваться с места молодая лань. Затем повернулась к тому, кто находился позади.

— Кристиан! — почти испуганно прошептала она. — Кристиан и Этуати!

Уильямс лежал в густом папоротнике, вытянувшись и заложив руки за голову.

— Ну и что? — грубо ответил он. — Иди сюда, садись.

Он схватил девушку за запястье и резко потянул к себе. Хутия отпрянула, тихо рассмеявшись.

— Ой, Джек! Ты хочешь слишком много и слишком быстро. Мне надо идти. Тарару спросит: «Где Хутия?» А Фасто спросит: «Где мой мужчина?»

Уильямс взял её за плечи и отстранил на вытянутые руки.

— Забудь про Фасто, маленькая плутовка. Кого ты любишь больше — Тарару или меня?

Девушка лукаво улыбнулась.

— Тебя.

И вдруг выскользнула из его рук, вскочила и исчезла в темноте.

Глава V

Тропа, с каждым днём становившаяся всё заметнее, живописно петляла между деревьями от бухты «Баунти» по гребню обращённых к морю склонов до самого дома Кристиана на западной окраине поселения. Неподалёку от его жилища от неё отходила вторая тропа, уходившая в глубь острова вдоль склона небольшой долины. Она вела к источнику Брауна — крошечному ручью, питавшемуся родником и спускавшемуся по ущелью цепью небольших заводей и тонких водопадов. Сверху его закрывали огромные деревья, а стены оврага были густо покрыты папоротником. Самый верхний водоём превратили в каменную цистерну, откуда брали питьевую воду для всего поселения. Ниже находилась заводь побольше, предназначенная для купания, и ближе к вечеру она полностью отдавалась женщинам.

Это был самый счастливый час их дня. Здесь, у воды, они сбрасывали не только одежду, но и ту скованность, которую испытывали в присутствии белых мужчин, вместе со странными английскими именами, которыми некоторые из мятежников их наградили. Они смеялись и оживлённо разговаривали. Но стоило кому-нибудь случайно упомянуть Таити или вспомнить что-то из прежней жизни, как на их веселье ложилась тень — медленно, словно тень облака, проплывающего над высокими склонами долины. Однажды несколько женщин после купания грелись на большом камне у самого края воды. Они расчёсывали и сушили волосы, а некоторые плели венки из душистого папоротника. Моэтуа вспомнила тиаре маохи — белую ароматную таитянскую гардению.

— Не говори больше! — сказала Сара, и глаза её наполнились слезами. — Мы знаем, что никогда её не увидим. Ах, стоит закрыть глаза — и я будто снова чувствую её запах.

Сюзанна спросила:

— Скажи, Моэтуа, если бы всё можно было начать сначала, ты снова покинула бы Таити?

— Да. Минари здесь, а разве я не его жена? Земля хорошая, ему она нравится, значит, и я должна быть довольна. Я уже реже думаю о Таити. Разве вы не чувствуете того же?

— Я — нет! — резко воскликнула Сюзанна. — Никогда больше не ушла бы. Никогда! Никогда!

— Но нам ведь сказали ещё до отплытия, что корабль не вернётся, — спокойно заметила Балхади. — Кристиан предупредил всех.

— Кто мог поверить! — сказала Сара. — Миллс и остальные говорили, что это неправда, что мы обязательно вернёмся. Помните утро после выхода из Матаваи, когда ветер переменялся и корабль повернул на запад?

— И мы прошли совсем рядом с рифами Эймео? — подхватила Сюзанна. — Ещё бы не помнить! Мартин стоял возле меня у борта и крепко держал рукой. Он знал: дай мне возможность — я прыгну за борт и поплыву к берегу.

— Квинтал держал меня обеими руками, — сказала Сара. — Иначе я сделала бы то же самое.

Нанаи спросила:

— Почему корабль ушёл так внезапно? В Матаваи никто не знал, что мы отплывём ночью.

— Они боялись, что вы в последнюю минуту передумаете, — ответила Моэтуа.

— Вот как меня и поймали, — сказала Пруденс. — Миллс пришёл к моему дяде с карманами, набитыми гвоздями, самыми большими. Наверное, штук двадцать. У дяди глаза загорелись, когда он их увидел. «Проведёшь ночь на корабле с белым мужчиной», — сказал он мне. Он получил гвозди, а я пошла с Миллсом. Когда проснулась на рассвете, корабль уже был в море.

— И теперь тебе нравится твой мужчина? — спросила Хутия.

Пруденс пожала плечами.

— Ничего.

— Он без ума от тебя, — сказала Сюзанна. — Это сразу видно.

— Он для меня и отец, и любовник, — ответила девушка. — Я могу делать с ним что хочу.

Моэтуа заметила:

— А я не поменялась бы местами ни с одной из вас. Мне больше нравится муж из нашего народа. Эти белые странные. Мысли у них не такие, как у нас. Нам никогда их не понять.

— Я бы так не сказала, — возразила Балхади. — Мой Смит почти как один из нас. Я понимаю, о чём он думает, даже когда не понимаю его слов. Белые мужчины не так уж отличаются от наших.

— Возможно, — неуверенно ответила Моэтуа. — Маймити говорит то же самое. Она, кажется, счастлива с Кристианом.

— С Маймити всё иначе, — сказала Сара. — Кристиан говорит на нашем языке почти как свой. Остальные учатся медленнее.

Пруденс закончила расчёсывать волосы и ловкими пальцами быстро начала заплетать их. Она посмотрела на Сару:

— А у тебя как с Квинталом?

— Каков он как любовник?

— Да. Расскажи.

Сара покосилась на остальных и криво улыбнулась.

— Наступает ночь. Он сидит, положив подбородок на огромные кулаки. О чём думает? Не знаю. Может быть, вообще ни о чём. Молчит. А как иначе, если наш язык только начал учить? На меня не смотрит. Я жду, прекрасно зная, что будет потом. Наконец это происходит. Потом, когда ему надоедает, переворачивается на спину и храпит. Всё. Больше рассказывать нечего.

Пруденс запрокинула голову и расхохоталась. Остальные присоединились, и вся поляна наполнилась женским смехом. Сара сначала только улыбалась, но через мгновение смеялась не меньше других.

— Какой странный мужчина! — сказала Нанаи, вытирая выступившие от смеха слёзы.

Сара кивнула.

— Он думает только о себе. Я никогда его не пойму.

Через некоторое время Моэтуа спросила:

— А что будет с мужчинами, у которых нет жён?

— Бедняги! — рассмеялась Хутиа. — Кто же будет их утешать?

— Только не я, — сказала Балхади. — Меня устраивает мой мужчина, и я не стану делать ничего, что причинит ему боль или вызовет гнев.

— А с чего ему сердиться из-за такой мелочи? — спросила Нанаи.

Пруденс ответила:

— Ты плохо знаешь белых мужчин. Для них страшный позор, если женщина одного мужчины отдаётся другому.

Она помолчала и добавила:

— А я всё равно буду добра к тем, у кого нет женщин.

— И я! — воскликнула Сюзанна. — Я боюсь Мартина не меньше, чем ненавижу его, но сумею набраться смелости и обмануть. Сделать из него дурака — уже удовольствие.

— Можно оставить это между нами, — сказала Моэтуа. — Белым мужчинам вовсе не обязательно знать.

Балхади серьёзно заметила:

— Если Кристиан узнает, он будет сердиться. Пруденс права: белые считают своих женщин только своими. Из-за этого легко может начаться беда.

— Тогда Кристиану следовало привезти больше женщин — по одной каждому, — ответила Моэтуа. — Он ведь понимает, что нельзя заставить мужчину всю жизнь обходиться без женщины.

— Понимает, — сказала Сюзанна. — Он вождь, как Минари, и защитил бы меня от Мартина, если дело дойдёт до этого.

— А оно дойдёт, — заметила Пруденс.

— Да, — сказала Нанаи. — Тебе надо прямо сейчас пойти к Кристиану и рассказать, как Мартин с тобой обращается. Мартин — ноху.

— Он хуже, — мрачно ответила Сюзанна. — По-моему, с тех пор как мы здесь, он ни разу не мылся. Его жестокость я переносу легче, чем грязь.

Она вздохнула.

— Давайте лучше поговорим о чём-нибудь приятном. Когда я с вами, я стараюсь вообще забывать о Мартине.

Все они были молоды и обладали той живостью и природной весёлостью, которая была свойственна их народу. Не прошло и минуты, как они снова смеялись и болтали, словно в мире не существовало никаких забот.

Огород теперь находился в превосходном состоянии. Красная вулканическая почва оказалась необычайно плодородной, и грядки ямса, батата и сухопутного таро — таруа — обещали ранний и богатый урожай. Уже пробивались бледно-зелёные побеги сахарного тростника, а молодые отростки бананов раскрывались под солнцем. В главной долине нашли множество огромных старых хлебных деревьев, однако Браун всё равно тщательно посадил молодые деревца, привезённые с Таити, расчищая для них по несколько ярдов земли в наиболее подходящих местах. Животные, выпущенные на остров, тоже прекрасно прижились. Свиньи быстро жирели на длинных клубнях дикого ямса. Для домашней птицы остров был настоящим раем: ни хищных птиц, ни зверей, зато корм повсюду.

Небольшая местная коричневая крыса пока не проявляла интереса к яйцам и не причиняла вреда цыплятам. Птица быстро размножалась. Весёлое кукареканье петухов стало приятным звуком, нарушавшим ту глубокую тишину, которая так угнетала всех в первые дни на берегу. За высокой вершиной, к западу от поселения, построили хижину и загон для коз, куда ежедневно носили корм и воду. От главного хребта к южным утёсам земля плавно спускалась, образуя внешнюю долину, столь же плодородную, как северная. Её называли долиной Аутэ — потому что именно здесь разбили первые посадки аутэ, растения, из которого на Таити делали ткань. Браун решил поселиться на этом южном склоне подальше от остальных.

Его маленький крытый соломой дом стоял на солнечной поляне среди листвы высоких деревьев, рядом с тонким ручьём, воды которого вполне хватало одной семье. Вместе с Дженни они прорубили тропу через заросли позади дома, подняли её на хребет и вывели к другой тропе, проходившей через сердце Главной долины к поселению. Дженни, спутница Брауна, при небольшом росте и привлекательной внешности обладала всей той решительностью, которой не хватало самому садовнику. Во время долгих месяцев стоянки на Таити, когда капитан Блай собирал груз хлебных деревьев, они жили вместе на берегу. После того как Браун невольно оказался участником мятежа, мысль о возвращении к Дженни была его единственным утешением.

Её отношение к нему было скорее материнским и покровительственным. Дженни принадлежала к тем женщинам с особенно сильным характером, которые выбирают себе в мужья тихих, мягких мужчин, нуждающихся в более твёрдой спутнице. Как и Браун, Минари глубоко любил природу и всё растущее. Почти каждый вечер он приходил к ним, обменивался несколькими словами с Дженни и осматривал молодые посадки. Постепенно между суровым военным вождём и одиноким английским садовником возникла странная дружба. Браун и на

своём родном языке был немногословен и оказался совершенно неспособен выучить другой. Зато Дженни к этому времени уже говорила по-английски и служила переводчицей.

Много вечеров Браун слушал рассказы Минари о древних войнах на Таити и о том, при каких обстоятельствах тот получил ту или иную рану. Однажды вечером в конце февраля Минари и его жена Моэтуа пришли к дому Брауна. Полинезиец поставил на землю тяжёлую корзину, и суровое лицо его смягчилось, когда он пожал Брауну руку.

— Мы сегодня спускались по южным утёсам, — рассказала Моэтуа Дженни. — Птицы начинают нестись. Здесь яйца кавека и ойо, которые гнездятся прямо на скалах. Попробуйте, они хорошие. Минари закрепил наверху верёвку, и мы спустились. Фасто тоже была с нами.

— Поблагодари их, — попросил Браун Дженни. — Я содрогаюсь при одной мысли, что мужчина, а тем более женщина, рискует так жизнью.

Минари повернулся к жене.

— Идите с Дженни есть. А я приготовлю наше.

Пока Браун ходил за диким ямсом, Минари развёл костёр, нагрел несколько камней и бросил их в калёбасу с водой. Вода тут же закипела. Туда положили яйца, наполнив сосуд до краёв, а наскоро очищенный ямс запекли на углях. Мужчины хорошо поужинали. Вскоре взошла луна, и гости собрались домой. Когда они ушли, Дженни расстелила циновку перед дверью и села наслаждаться красотой ночи. Она похлопала ладонью рядом с собой, и Браун растянулся на циновке, положив голову ей на колени. Ночь была безветренной. Лунный свет смягчал очертания дома и серебряными пятнами лежал на маленькой поляне. Рассеянно глядя волосы Брауна, Дженни начала пересказывать последние новости поселения.

— Я сегодня разговаривала с Моэтуа. Скоро будет беда. И виноват Уильямс.

— Что случилось?

— Знаешь, зачем он сегодня отправил Фасто вместе с ними?

— Наверное, хотел яиц, — сонно сказал садовник.

— Может быть, яйца он любит. Но Хутиа нравится ему больше. Каждый раз, когда удаётся избавиться от Фасто, он встречается с Хутиа в лесу.

Она покачала головой.

— А Тарару ревнивый муж, хотя и глупец. Ревнует! А сам хотел бы стать любовником девушки Миллса.

— Пруденс? Этого ребёнка?

— Ребёнка!

Дженни с удивлением посмотрела вниз.

— Да ты и сам ребёнок. Понимаешь только свои растения и деревья.

Джон Уильямс работал над домом один. Мартин и Миллс таскали доски вверх по тропе от бухты «Баунти». Каркас двухэтажного дома уже был закончен, и Уильямс теперь пилил и подгонял стропила. Три женщины отлично подготовили кровельный материал, и он собирался сперва закончить крышу, а уже затем приниматься за стены и пол. Близился полдень, и солнце жарко пекло поляну. Уильямс был обнажён до пояса, пот ручьями стекал по груди, покрытой густыми чёрными волосами. Он отложил пилу и вытер пот с глаз.

— Фасто! — крикнул он.

Из навеса, где готовили еду, вышла невысокая крепкая темнокожая женщина. Она происходила из простого рода, была молчаливой, покорной и работающей. Уильямс по-настоящему ценил её преданность и умение во всём, что относилось к местной жизни.

— Обед готов? Принеси ведро воды.

Она вылила воду ему на голову и плечи, пока он оттирал грязь с лица. Затем принесла обед: печёные хлебные плоды, ямс и дюжину яиц крачек. На земле рядом расстелила широкие зелёные листья вместо скатерти. Когда она наклонилась, Уильямс сжал её руку.

— Крепкая, как железо! Садись, поешь со мной, старушка.
Фасто покачала головой.

— Да к чёрту ваши языческие правила! Яиц больше нет?

Она снова покачала головой. Не зная местного языка и презирая его, Уильямс заставил женщину выучить несколько английских слов. У неё на глаза навернулись слёзы: ей показалось, что она плохо исполнила долг жены. Пытаясь объяснить, она сказала:

— Принесу ещё яйца. На ужин.

— Вот и умница. Много работать и много есть — вот как живёт Джек Уильямс.

Поднимаясь, он поцеловал её и похлопал по спине. Фасто улыбнулась и с остатками еды пошла обратно к кухне. К середине дня Уильямс уже проработал над домом девять часов и сделал немало. Фасто примерно час назад ушла с корзиной к южным утёсам. Мартин и Миллс всё ещё работали в бухте. Уильямс тщательно вымылся, подтянул повязку из тапы на пояс и быстро оглядел тропу в обе стороны. От дома Маккоя доносился стук молотка. Никого не было видно. Уильямс пересёк тропу и исчез в зарослях. Примерно в четверти мили к югу от поселения среди леса рос старый панданус, раскинувший под солнцем колючие листья. Его ствол, опиравшийся на пирамиду воздушных корней, поднимался футов на двадцать без единой ветви.

Хутиа осторожно спускалась, цепляясь за каждую неровность коры. На земле лежали листья, которые она сорвала для крыши. Спрыгнув вниз, девушка начала собирать их в связки, но работала почти машинально, всё время поглядывая по сторонам и время от времени прислушиваясь. Вдруг она бросила работу и скрылась в тени широкого пурау неподалёку. Через заросли тихо прошёл Уильямс. Он посмотрел на панданус, на связки листьев, затем неуверенно оглянулся. Раздался тихий смех. В следующее мгновение Хутиа уже была у него в объятиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.